

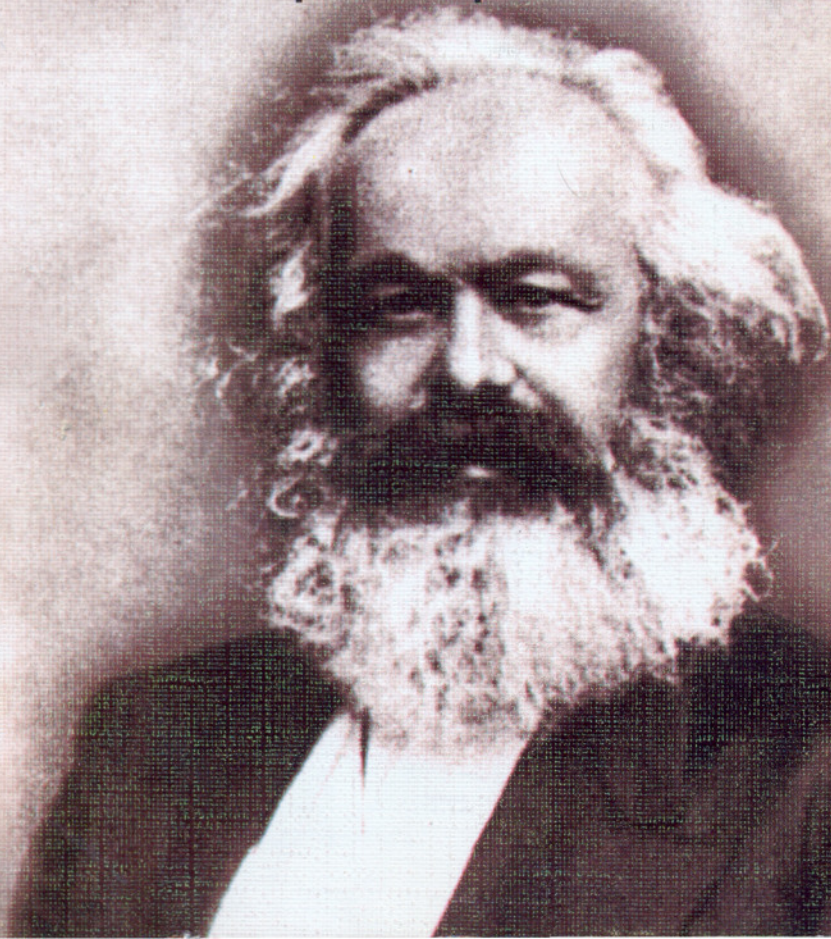
М.Е. КОТЕЛЬНИКОВ

ОСНОВНОЕ

противоречие

МАРКСИЗМА

социально-философская экспликация

ББК 87. 6
К 73
УДК 101. 1 :: 316

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор А.И. Пирогов
доктор философских наук Ю.В. Олейников

Котельников М.Е.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ МАРКСИЗМА: СОЦИАЛЬНО – ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ.

М.: Элита России, 2005. – 320 с.

ISBN 5 – 7256 – 0420 – 9

В монографии анализируется соотносительность базисных парадигмальных составляющих социальной философии марксизма, которая рассматривается в качестве диалектически противоречивой концепции исторического процесса. Указание на диалектический характер противоречия свидетельствует, по мнению автора, о наличии в марксизме источника его развития и трансформации в современную эпоху в качественно новое состояние. Каждому из основных этапов генезиса социально-философского знания в его структуре соответствует особый комбинационный вариант из формационной и деятельностно-революционной парадигм. В ходе изложения затрагиваются важнейшие, в том числе продолжающиеся оставаться дискуссионными, вопросы формационной теории, утверждается значимость ее методологического потенциала для углубленного изучения современной эпохи. За пределами собственно научного знания (которое сегодня ограничивается, как правило, узкими рамками его формализации) диалектика объяснительно-формационной и деятельностно-революционной парадигм проецируется в исторически меняющейся взаимосвязи методологии и идеологии. Их соотношение в виде основного противоречия марксизма дает ключ к теоретическому воспроизведению его драматической эволюции в целом. Эти концептуальные доминанты многогранного учения Маркса «раскодируются» также лишь при условии их диалектически понимаемого единства (как неполного совпадения, т.е. конкретного тождества). Критически исследуя логику развития марксизма, автор, не ограничиваясь имеющимися в литературе подходами, предлагает собственную версию истоков и сущности его кризисного состояния. Наряду с действием объективного (экономического) фактора, находящим отражение в политической практике и обостряющейся идеологической борьбе, кризис «самоидентификации» марксизма в конце XIX – начале XX вв. был обусловлен закономерностями его развития в научном формате. Обладая системной целостностью и в полном соответствии с законом восхождения от абстрактного к конкретному, он оказывается востребованным в XX в., вопреки мнению Ленина на этот счет, именно «по частям». Благодаря подобному «расщеплению», марксизм сумел не просто «выжить», но продолжая развиваться и обогащаться, приобрел предпосылки для новой формы «синтеза». Однако, пройдя к концу XX в. фазу аналитического расчленения, превратился в постсоветский период в объект вненаучной, идеологически тенденциозной критики. Фундаментальная причина затянувшегося кризиса в гносеологическом измерении связана, таким образом, с сохраняющейся вплоть до настоящего времени вулгаризацией социально-философской теории Маркса, выражающейся, в конечном счете, в неправомерном метафизическом отождествлении идеологии и научной методологии.

Книга адресована тем, кто интересуется теорией и историей марксизма, а также актуальной методологической проблематикой современного общественного сознания.

ISBN 5 – 7256 – 0420 – 9

© М.Е. Котельников, 2005
© ООО Издательский дом «Элита России», 2005

конечном счете) в сфере духовного, интеллектуального развития личности, он в этом пункте вплотную приближается к субъективно отвергаемой им диалектико-материалистической концепции Маркса.

Г.В. ПЛЕХАНОВ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОППОНЕНТ В.И. ЛЕНИНА.

Эволюция «русской идеи», аккумулировавшей многогранность своего содержания в многообразии исторических форм и направлений социального освободительного движения, создавала, исключительно благоприятную почву для распространения марксизма. «Если не брать социализм в доктринальном смысле, — отмечает в этой связи Бердяев, — то можно сказать, что социализм глубоко вкоренен в русской природе. Можно даже сказать, что русская мысль XIX в. в значительной своей части была окрашена социалистически».¹ (Курсив мой. — М.К.). Примечательно, что уже в самом факте создания осенью 1883 г. по инициативе Г.В. Плеханова первой марксистской (зарубежной) организации — группы «Освобождение труда» — прослеживается парадоксальная, на первый взгляд, логика обращения народничества в марксистскую веру.

Основатель русского марксизма и социал-демократии в этот период резко полемизирует с Ткачевым, хотя как лидер «Черного передела» еще совсем недавно, на рубеже 70-80-х гг. XIX в., он, по его собственным словам, оставался народником «до конца ногтей».² Несмотря на то, что после разрыва отношений с народолюбцами идейные разногласия только усилились, во внутренне противоречивой теоретической позиции русских марксистов и в дальнейшем сохранялись некоторые общие с участниками уже исторически пройденного этапа политической борьбы точки соприкосновения. Теоретически неотрафлексированным ортодоксальным марксизмом (и, тем более, как будет сказано ниже, — народниками) в виде «основного противоречия», они были обусловлены, в конечном счете, базисными особенностями российской ментальности. Подчеркивая органичность синтеза западно-европейского и российского потоков революцион-

¹ Бердяев Н.А. Русская идея // Сочинения. — М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: Изд-во Фолио. 2000. С. 102. Бердяев выделяет «три периода русской социалистической мысли. Социализм утопический, влияние идеи Сен-Симона и Фурье; социализм народнический, наиболее русский, более близкий к идеям Прудона; социализм научный, или марксистский. Я бы прибавил к этому, — пишет он далее, — еще четвертый период — социализм коммунистический, который можно определить, как волюнтаристический, экзальтирующий революционную волю» (Там же. С. 103-104).

² Бердяев обращает внимание на то, что «в 70-х годах уже намечались те споры, которые вели в 90-ые годы русские марксисты и народники, а в начале XX века марксисты-большевики и марксисты-меньшевики». Все они вражались, так или иначе, вокруг традиционной в истории русской социалистической мысли и одновременно «особенной» для нее проблемы — «может ли Россия миновать капиталистическое развитие, господство буржуазии, может ли революция быть социалистической, можно ли применить к России теорию марксизма, не считаясь с особенностями русского пути». В этой связи в духе диалектической дискурсивности Бердяев формулирует мысль о допущенной Плехановым *ошибке* и, соответственно, «исторической правоте большевиков». Полемика Плеханова с Ткачевым (содержащаяся, в частности, в работе «Наши разногласия») «представляет, — отмечает Бердяев, — большой интерес, потому что она звучит совсем так, как будто Плеханов полемизирует с Лениным и большевиками, в то время как их еще не существовало. Плеханов восстает, главным образом, против идеи захвата власти революционной социалистической партией. Он считает такой захват власти величайшим несчастьем, чреватым грядущей реакцией. Плеханов также против бакунизма и бунтарства. Он — западник, рационалист, просветитель и рационалист. Ему чужды русские иррациональные мотивы. Он защищает науку и философию против революционного обскурантизма Бакунина и Ткачева. Плеханов, как потом все марксисты-меньшевики, не хочет признать *особенных* путей России и возможность оригинальной революции в России. И в этом он, конечно, ошибся». Ткачев, который, «подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России», «был более прав»: «русская революция принуждена следовать не по западным образцам». В то время как условными «большевиками» можно считать и Ткачева, и Нечаева, и даже отчасти, хотя и «в меньшей степени», Бакунина, основоположники марксизма, которые «не понимали своеобразия русского пути», были скорее «меньшевиками», чем «большевиками». Очердным выражением парадоксальности в данном вопросе является то обстоятельство, что и Маркс и Энгельс, говорящие «о буржуазном характере грядущей русской революции», с нескрываемой симпатией относились к народолюбцам, «которые сосредоточились исключительно на свержении самодержавной монархии»; они «в этом отношении были гораздо менее предшественниками Ленина, чем Ткачев» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 60-61. — Курсив мой. — М.К.)

ного движения, Бердяев совершенно справедливо указывает на взаимный характер их сближения. Стержневая в идеологическом содержании марксизма идея всемирно-исторической миссии пролетариата «соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей». Вместе с тем, «русский коммунизм» есть, по его выражению, не столько воплощение, сколько «извращение русской мессианской идеи».¹ (Курсив мой. — М.К.)

Проявившаяся в «русификации» интернациональная сущность марксизма позволяла включить Россию в общеевропейский революционный процесс и благодаря этому окончательно преодолеть ее многовековую социокультурную обособленность от Запада. Однако на пути адаптации все более популярной революционной доктрины русских марксистов подстерегали немалые опасности. Их, «выросших в условиях самодержавной системы и достаточно хладнокровно относившихся к терроризму «снизу» в качестве ответа на правительственный произвол «сверху»...не могли испугать ни лозунг диктатуры пролетариата, ни авторитарные и централистские тенденции, заложенные в марксизме, а после неудачи «хождения в народ» — и довольно пренебрежительный взгляд марксистов на крестьянство как исторически обреченный, уходящий в прошлое класс».² Но объективная трудность в распространении марксистских идей была связана с экстраполяцией тезиса о близком крахе капитализма и переходе к социализму, тогда как в России речь могла идти лишь об устранении остатков страток средневековья и беспрепятственном развитии товарно-денежных отношений. Правда, забегая вперед, заметим, что историческая заслуга Плеханова состоит именно в том, что ему удалось, оставаясь верным научному потенциалу марксизма, преодолеть поистине роковое заблуждение нигилистически мыслящих ортодоксов, коренящееся, по словам Бердяева, в плохом понимании «ступенности исторического процесса».

Однако, отдавая должное Плеханову как выдающемуся теоретику, который «дорожил объективно-научной, детерминистической стороной марксизма (но сохранял и субъективную, революционно-классовую сторону» его), требуется, тем самым, объяснить и причины его прижизненного поражения в диалоге с ленинизмом, а, следовательно, и факт «исторической правоты» последнего. Сделать это тем более необходимо, что ему в полной мере пришлось испытать на себе всю тяжесть необоснованных обвинений в догматизме. Сложность данного, не мыслимого без *диалектической* постановки, вопроса определяется логическим обоснованием противоречия «в оценке капитализма и буржуазии», противоречия, «которое давило на совесть многих русских социалистов», создавая, по словам Бердяева, не только «логический», но и «моральный конфликт».³

На первый взгляд, позиции Плеханова и Ленина совпадают в главном — признании

¹ См.: Там же. С. 242, 243.

² Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксизма. С. 82

³ Из концепции классического марксизма вытекает, справедливо полагает Бердяев, «двойственность», т.е. неоднозначная оценка миссии буржуазии в зависимости от «разных этапов в истории». Что же касается «приуроченной» к развитию капитализма «мессианской идеи пролетариата», то, с его точки зрения, она понимается сугубо идеологически и, следовательно, «с наукой ничего общего не имеет». Демонстрируя в данном случае *однозначный* подход, Бердяев не поднимается до осознания того, что объективное знание об обществе не существует вне классовой идеологии и представлено в ней как часть ее содержания. Другое дело, что разные классы понимают социальную действительность с разной степенью адекватности и глубины в зависимости от исторической ситуации, т.е., в конечном счете, от степени соответствия классовых интересов потребностям социального прогресса. Вся диалектическая по существу своему проблема получения истины носителем классовой сознания Бердяевым, естественно, снимается, он попросту разводит абсолютные и относительные моменты истины в разные стороны и приписывает им самостоятельное существование. Поэтому вполне обоснованным он считает постановку рассматриваемого вопроса «перед марксизмом в другой форме: есть ли марксистская идеология такое же отражение абсолютной истины, не зависящей от исторических и других идеологии, или она претендует на открытие абсолютной истины, не зависящей от исторических форм экономики и экономических интересов? Для философии марксизма очень важен вопрос, есть ли эта философия прагматизм или абсолютный реализм?» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 85. — Курсив мой. — М.К.) Вместе с тем, нельзя не признать и того, что в ортодоксальном марксизме классовый подход, как правило, действительно наделялся тем абсолютным значением, которого он на самом деле не имеет. И хотя правильного решения поставленной проблемы Бердяев не нашел, в самом стремлении связать классовое с общечеловеческим и утвердить приоритет последнего, была, безусловно, своя истина.

капитализма *необходимым* условием для осуществления социалистической революции и последующего перехода к социализму. И тот и другой подчеркивают в этой связи, ссылаясь на теоретическую установку классического марксизма, «реакционный, - по выражению Бердяева, - характер крестьянской общины, мешающей экономическому развитию» (хотя Маркс, а за ним и Энгельс избегали ее однозначной оценки, допуская возможность применительно к России *альтернативного* проекта после победы пролетариата в развитых странах); в глазах обоих народники «превратились почти в реакционеров». Но если Плеханов решительно высказывается против «совмещения» буржуазно-демократической революции с пролетарской, исходя из того, что между ними «дистанция огромного размера», Ленин полагает допустимым и даже исторически *необходимым* прервать нить эволюционного процесса еще до образования всех материальных предпосылок и «многочисленного рабочего класса», компенсируя недостающий уровень «революционизирования сознания» с помощью «захвата власти» и установления диктатуры «партийно организованного меньшинства». «В этом крыле русского марксизма, - отмечает Бердяев, - *революционная воля преобладала над интеллектуальными теориями*, над книжно-кабинетным истолкованием марксизма»¹ (Курсив мой. - М.К.).

Под «интеллектуальной теорией» Бердяев понимает «научную сторону марксизма» (концепция «социологического» или, что для него то же самое, «экономического» детерминизма), в то время как «революционная воля» представляет собой, в сущности, символическое обозначение идеологической проекции марксовской социальной философии, т.е. деятельностно-революционной парадигмы. Речь, следовательно, идет о таком рода «истолковании марксизма», когда решающее значение в силу целого ряда причин получает «преобладание» идеологии по отношению к науке и философии. Поэтому, соглашаясь с Лениным в том, что «идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории» (как не умаляет она и значения классовой борьбы), следует признать и правоту Плеханова, полагающего, что *абсолютизация* роли субъективного фактора не может, в свою очередь, не вести к «подрыву» «идеи исторической необходимости».

Отстаивая в этом противостоянии марксистскому «доктринерству» целостность ортодоксального марксизма, несомненным достоинством ортодоксии Ленин считает то, что она не заслоняет «исторические вопросы абстрактными схемами». Но зададимся все же, вслед за Бердяевым, отнюдь не риторическим вопросом: насколько обосновано выдвинутое Лениным обвинение в адрес Плеханова и «меньшевиков в *педантическом* следовании марксизму и *отвлеченном* перенесении его принципов на русскую почву»?² (Курсив мой. - М.К.) Каковы, собственно говоря, те критериальные основания, исходя из которых большевики идентифицируют себя с приверженцами «духа» марксова учения (будучи носите-

¹ Там же. С. 86. «Этот «ортодоксальный» марксизм, который в действительности был *по-русски трансформированным* марксизмом, - пишет он, - воспринял прежде всего не детерминистическую, эволюционную, научную сторону марксизма, а его мессинскую, мифотворческую религиозную сторону, допускающую *экзальтацию революционной воли*, выдвигающую на первый план революционную борьбу пролетариата, руководимую организованным меньшинством, вдохновленным сознательной пролетарской идеей. Этот ортодоксальный, тоталитарный марксизм всегда требовал исповедания материалистической веры, но в нем были и сильные *идеалистические* элементы. Он показал, как велика *власть идеи над человеческой жизнью*, если она тотальна и *соответствует инстинктам масс*. В марксизме-большевизме пролетариат перестал быть эмпирической реальностью, ибо в качестве эмпирической реальности пролетариат был ничтожен, он был прежде всего идеей пролетариата, носителем же этой идеи может быть незначительное меньшинство. Если это незначительное меньшинство целиком одержимо титанической идеей пролетариата, если его революционная воля экзальтирована, если оно хорошо организовано и дисциплинировано, то оно может *совершать чудеса, может преодолеть детерминизм социальной закономерности*. И Ленин доказал на практике, что это возможно. Он совершал революцию во имя Маркса, но не по Марксу. Коммунистическая революция в России совершалась во имя тоталитарного марксизма, марксизма, как религии пролетариата, но в противоположность всему, что Маркс говорил о развитии человеческих обществ. Не революционному народничеству, а именно ортодоксальному, тоталитарному марксизму удалось совершить революцию, в которой Россия *перескочила через стадию капиталистического развития*, которое представлялось столь неизбежной первым русским марксистам. И это *оказалось согласным с русскими традициями и инстинктами народа*» (Там же. С. 88. - Курсив мой. - М.К.)

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 96

лями и выразителями его революционной «души»), наделяя своих оппонентов, в лучшем случае, лишь способностью его «книжно-кабинетного истолкования»?

Обвинения Плеханова если не в оппортунизме, то в *догматизме* даже сегодня, как это ни странно, продолжают оставаться в отечественной марксоведческой литературе все тем же несменяемым ленинским «клеймом». И это несмотря на диаметрально противоположные изменения у преобладающей части общества в оценке самого ленинизма. Впрочем, корни заблуждения в обоих случаях одни и те же: отсутствие четко рефлексированного различия в соотношении идеологического и собственно научного компонентов в структуре марксистского теоретического знания.

В качестве примера достаточно обратиться к одному из новейших исследований жизни и деятельности Плеханова, принимая во внимание, как замечает его автор С.В. Тютюкин, что «биографическая литература о Плеханове очень невелика, причем две наиболее значительные работы, написанные в этом жанре, - книги американского профессора С. Бэрона и наших соотечественников М.Т. Иовчука и И.Н. Курбатовой» увидели свет соответственно более тридцати и двадцати лет тому назад».² Фиксируя смену политических ориентиров в интерпретации теоретического наследия Плеханова, Тютюкин замечает, что «перестройка» принесла с собой позитивный «лавинообразный процесс разрушения старых идеологических стереотипов и мифов, отказ от идолопоклоннического отношения к Ленину, радикальное изменение взглядов на марксизм, революцию, социализм...»³ Вместе с тем, хотя «сначала его [Плеханова. - М.К.] акции как политического противника Ленина и большевиков резко пошли вверх», в постсоветский период волна интереса к нему, достигнув своего апогея, приняла одностороннюю просветительско-патриотическую окраску и пошла на убыль в связи с «полным отрицанием нашего революционного прошлого и очернением марксизма». Разумеется, Плеханов и сегодня «котируется» как «провозвестник краха большевизма и критик ленинизма», но при этом из конъюнктурных соображений зачастую подается исключительно в облике «убежденного реформиста». Тютюкин справедливо возражает против того, чтобы видеть в Плеханове политического деятеля, якобы разочаровавшегося в революции, с искренней симпатией воссоздает летопись его разносторонней и чрезвычайно насыщенной интеллектуальной и политической биографии. Однако после прочтения книги остается впечатление того, что «отец» русского марксизма так и не понял чего-то весьма существенного как в самом учении, так и в решении «проблемы... специальной адаптации марксизма к специфическим условиям России», которой, как полагает автор, «для Плеханова *практически не существовало*».⁴ (Курсив мой. - М.К.)

¹ См.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. Наряду с данными авторами тему плехановедения в постсталинский период разрабатывали историки Ю.З. Полевой, Г.С. Жуйков, Р.В. Филиппов, философы Б.А. Чагин, И.К. Пантин, Г.Г. Водолазов, М.А. Лившиц и др. С начала 90-х гг. выходят работы: Бережанский А.С. Г.В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж, 1990; Коротаев Ф.С. Плеханов. Человек и политик. Пермь, 1992; Тумаринсон В.Х. Большевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994; кроме того появился ряд публикаций И.Н. Курбатовой, С.С. Волка, Т.И. Филимоновой.

² См.: Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 14.

³ Там же. С. 12.

⁴ См.: Там же. С. 368. Вопреки этому заключительному выводу Тютюкин, выявляя «глубокие, мучительные противоречия между теорией и практикой революционного движения», на с. 82 прямо указывает на то, что в первой половине 80-х гг. «русские марксисты во главе с Плехановым делали лишь первые и, как тогда казалось, многообещающие шаги на *пути адаптации новой революционной доктрины к условиям России*». В то же время, подытоживая роль Плеханова в разработке данной проблемы, он пишет о том, что у нас, «во всяком случае... нет оснований говорить о том, что она мучила его, не давала покоя, «портילה» теоретические чертежи». Объяснение он усматривает в том, что «Плеханов был горячим поборником идеи европеизации России». Однако ссылая на это обстоятельство сама по себе оказывается явно недостаточной, так как, по меньшей мере, создает «проблемную» ситуацию: ведь по его собственному утверждению, Плеханов при этом «находился в истории России немало общего с историей восточных деспотий, прекрасно знал об экономической и культурной отсталости нашей страны, ее крестьянском облике, незначительном удельном весе пролетариата в общей массе россиян». Вынужденная 37-летняя эмиграция, конечно, оказала влияние на судьбу Плеханова, а значит и эволюцию его взглядов, но ведь и Ленин провел за границей значительную часть жизни и также «был убежден в неизбежности западной ориентации России со времен Петра I, верил в преходящий, временный характер ее экономического отставания от развитых капиталистических стран, с

Вряд ли можно согласиться с тем, что Плеханов, будучи официальным и, несмотря на клеветнические нападки своих оппонентов, все же - общепризнанным основателем российской социал-демократии, обошел стороной вопрос, имеющий для нее первостепенное значение. Решение его, в свою очередь, непосредственно зависело от оценки процесса разложения крестьянской общины, - процесса, историческую неизбежность которого Плеханов вынужден был признать под давлением неопровержимых фактов. Собственно говоря, именно в этом, драматическом для идейной эволюции его взглядов эпизоде и выразился начавшийся переход его от народничества к марксизму.

Знакомство с работами земского статистика В.И. Орлова «Общинное владение в Московском уезде» и русского историка и социолога М.М. Ковалевского «Общинное землевладение: причины, ход и последствия его развития», которые убедительно доказывали наличие углубляющегося социального неравенства в деревне, вызвало у Плеханова бурную реакцию и зародило не дававшие покоя сомнения. По воспоминаниям его супруги, Р.М. Плехановой, «казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет, являлся для него *вопросом жизни или смерти*».¹ (Курсив мой. - М.К.) Продолжая возлагать надежды на аграрную революцию как рычаг радикального преобразования социально-экономических отношений, Плеханов покидает Россию в январе 1880 г. еще во власти народнических представлений об ее особом, отличном от Запада, пути развития. Но уже в конце 1881 г. пишет П.Л. Лаврову о том, что вопрос о судьбах капитализма в России - дело решенное и все другие пути, мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран, для нее закрыты.² Расставшись с народническими надеждами на спасительную роль общины и на возможность движения России по некапиталистическому пути, Плеханов, таким образом, прошел через фазу мучительных размышлений на этот счет, чего нельзя сказать о траектории теоретических изысканий Ленина. В отличие от Плеханова, он считал не заслуживающей внимания, *надуманной* даже саму постановку народниками проблемы «самобытности» России.

Написанная Плехановым в 1884 г. работа «Наши разногласия» явилась первой в российской социалистической литературе, где был дан марксистский анализ состояния экономики пореформенной России. Немногим более 10 лет отделяют ее от ленинской книги «Развитие капитализма в России», сопоставимой как по значимости в идейно-теоретическом становлении обоих марксистов, так и в содержательном отношении. Это касается прежде всего, разумеется, осознания перспектив набирающего обороты процесса капитализации. «За капитализм, - отмечает Плеханов, - вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость этого движения».³ Хотя отечественный капитализм еще не стал полноводной рекой, в нее вливается такое множество ручейков и речек, что вследствие необратимости этого процесса предсказать его ближайшее будущее совсем не трудно. В главе «Капитализм и общинное землевладение» мы также не находим сколько-нибудь существенных отличий между позициями Плеханова и Ленина в оценке состояния крестьянской общины. Стоит отметить, пожалуй, лишь то, что Плеханов, пройдя идеологическую школу «друзей народа» и проникнувшись их созвучной

оптимизмом смотрел на историческую миссию капитализма как важного фактора приобщения России к европейской цивилизации». Различие между ними в этом отношении не являлось, таким образом, определяющим. «Останься Плеханов на родине, - высказывает предположение Тютюкин, - его путь к марксизму, наверное, был бы намного сложнее, но не исключено, что в этом случае он пришел бы к *более органичному синтезу* русской домарксистской революционной традиции и учения Маркса, которое он с каким-то почти религиозным неистовством пропандировал как вершину в развитии мировой социально-политической мысли». Позиция Ленина на этом фоне выглядит более выигрышной («более органичной»), поскольку, по словам биографа, он «так или иначе пытался привести марксистскую теорию революции в соответствие с конкретными условиями нашей страны», но, тем не менее, «был в глазах Георгия Валентиновича лишь отступником от марксизма в его истинном, классическом понимании». (Там же. С. 368-369, 370. - Курсив мой. - М.К.)

¹ См.: Плеханова Р.М. Наша жизнь до эмиграции // Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1928. Сб. 6. С. 94.

² См.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 19-21. С. 293.

³ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избранные философские произведения. Т. 1. С. 288.

настроениям крестьянства психологией, с гораздо большим вниманием и пониманием относится к «народно-общинному» началу человеческого общежития с его коллективизмом, мирской взаимопомощью и товарищеской солидарностью. Основные принципы общинного самоуправления для него не просто «лирика» и, тем более, - не то, что Ленин именует «фальшивой идеализацией докапиталистических порядков».¹

Привлеченный Плехановым в идеологически несколько более смягченной форме фактический материал подводил его, тем не менее, к выводу, что «серьезное сомнение невозможно. Всякий беспристрастный наблюдатель видит, - писал он, - что наша община переживает тяжелый кризис, что самый этот кризис близится к концу и *первобытный аграрный коммунизм* готовится уступить место личному или подворному владению».² (Курсив мой. - М.К.) Не разделяя уже народнических представлений «о крестьянстве вообще, как о чем-то антикапиталистическом», Плеханов, вместе с тем, избегает и проявившейся впоследствии полемической крайности ленинского тезиса о том, что «русское общинное крестьянство - не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его». Если Ленин списывает в разряд заведомо обреченных на исчезновение все без исключения «традиции патриархального быта» и «общинного духа», то у Плеханова мы находим, по крайней мере, зачатки дифференцированного отношения к общине. Гораздо более обоснованно он полагает, что общинные порядки вступили в противоречие с утверждаемой капитализмом системой ценностей, работают против капитализма, но в силу непреложных законов общественного развития «сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития... При переходе к этим последним ей предстоит не активная, а пассивная роль; она не в состоянии двинуть Россию на путь коммунизма; она может только менее сопротивляться такому движению, чем мелкое подворное землевладение».³ Этот достаточно реалистический для первого русского марксиста взгляд на судьбу крестьянской общины нашел отражение в подготовленном им в это же время «Проекте программы русских социал-демократов».⁴

Вся история постановки и решения аграрно-крестьянского вопроса в России пореформенного периода свидетельствует о том, что он, имея первостепенное значение, явился, тем не менее, «самым слабым звеном» в логически выстроенной системе российского марксизма. Плеханов в этом отношении не составляет исключения. Приходится с сожалением констатировать, что, будучи, без сомнения, истинным патриотом своего Отечества и выгодно отличаясь от Ленина гораздо меньшей идеологической одержимостью и, соответственно, большей последовательностью и принципиальностью в сложнейших теоретических вопросах (в том числе глубокими знаниями в области социальной психологии, позволяющей учитывать особенности российской ментальности), он, несмотря на весь этот набор ценнейших интеллектуально-нравственных качеств, так и не сумел разобраться в некоторых важных нюансах специфики развития аграрного сектора рос-

¹ Правда, с другой стороны, как замечает Тютюкин, «разочарование Плеханова в народничестве было столь велико, что он отказывался видеть его огромный демократический потенциал, глубокую внутреннюю связь с русской ментальностью и общинными традициями крестьянства, сильно развитое в нем нравственное начало...» (Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 82)

² Плеханов Г.В. Наши разногласия. С. 285

³ Там же. С. 347.

⁴ «Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения, - отмечал он, - быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций». В ситуации кризиса общинного типа коллективной самоорганизации Плеханов, как и Ленин, полагал, что необходимо предоставить крестьянам право отказа от надела и выхода из общины всем желающим. Вместе с тем, пролетарская революция, по убеждению Плеханова, способна с помощью радикального решения проблемы, приостановить кризис общины. «Ее разложение, - резюмировал он, - неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой является рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства». (Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 378, 380-381. - Курсив мой. - М.К.)

сийской экономики с точки зрения его социалистической перспективы.

В ряду чрезвычайно ответственных решений, принятых российскими марксистами, большие разногласия обнаружились во время первой русской революции при определении наиболее предпочтительной формы земельной собственности. Плеханов в этом споре разделял позицию меньшевиков, выдвинувших на IV (Объединительном) съезде РСДРП программу «муниципализации». Допускал он и возможность раздела земли путем ее передачи в собственность крестьян. Не приведя серьезных аргументов в ее пользу, он совершенно не обоснованно отверг требование национализации земли, выдвигавшееся абсолютным большинством крестьянства и поддержанное Лениным.¹ «Кивая» по инерции на Запад, Плеханов при этом сошел и с «дистанции», определенной Марксом в «Капитале», где тот убедительно доказывает историческую ограниченность «частной собственности как границы и помехи для земледелия».

Во многом односторонним оказался и подход Плеханова к определению исторического места общинной формы землепользования. Он «был, безусловно, прав, — отмечает в этой связи С.В. Тютюкин, — констатируя наличие тенденции к разложению общины, сдерживавшей инициативу и предприимчивость своих членов и стремившейся хотя бы частично уравнять богатых и бедных. Но он слишком спешил ставить на ней крест, ибо в реальной действительности оказалось возможным достаточно длительное существование общины и капитализма. Это явно не укладывалось ни в традиционные народнические представления о полной несовместимости указанных социальных феноменов, ни в новые представления Плеханова-марксиста, который в борьбе с народничеством не раз «перегибал палку», отбрасывая не только народническую утопию, но и рациональное зерно народнической доктрины... Жизнь показала, что масса русского крестьянства до последней возможности держалась за общину, рассматривая ее как институт социальной защиты мужика от помещика (а отчасти и кулака), стихийных бедствий и разорительных налогов, а также как важный инструмент своей консолидации в процессе борьбы за землю и волю... Вполне возможно, что если бы история — эта до крайности ироническая старуха, как не раз называл ее Плеханов, — отпустила бы российскому капитализму более длительный срок, он в конце концов сумел бы «перемолоть» и такой крепкий орешек, как община. Однако на практике фермерский путь развития сельского хозяйства, требовавший полной ликвидации помещичьего землевладения, значительных капиталовложений и настоящей революции в психологическом настроении основной массы крестьян, оказывался в России лишь одной из возможных альтернатив развития деревни, но полностью победить в огромной многонациональной и многоукладной стране так и не смог. В итоге в вопросе о судьбах общины жизнь оказалась мудрее и народников, и марксистов, хотя реальная крестьянская община конца XIX — начала XX в. действительно была очень далека от идеальной картины, которую рисовали себе участники «хождения в народ».² (Курсив мой. — М.К.)

В приведенном фрагменте, указывая на содержащееся в народнической доктрине «рациональное зерно», Тютюкин, на мой взгляд, выявляет значимость диалектического подхода, который отсутствовал и у самих народников, и, к сожалению, также у русских марксистов, действительно просмотревших как раз то, о чем свидетельствовали «новые явления в хозяйственной жизни». «Врастая» в капитализм, крестьянская общи-

¹ В решении этого вопроса Плеханов отступил от своей первоначальной народнической точки зрения и вслед за Каутским стал рассматривать национализацию земли весьма односторонне — только как способ усиления реакционной сущности буржуазного государства. «Национализация земли в условиях России представлялась ему особенно опасной и сомнительной мерой» еще и потому, — отмечает Тютюкин, — что она, «по мнению Плеханова... лишь упрочила бы то азиатское, восточно-деспотическое начало, которое всегда было традиционно сильно в ее истории, и помешала бы процессу европеизации страны, горячим сторонником которого он был. В высшей степени характерно и то, что Плеханов по существу отказался серьезно обсуждать проблему национализации земли, допуская эту меру лишь в рамках социалистического переустройства общества. Иначе говоря, он не проявил себя как серьезный экономист, трезво взвешивающий все «за» и «против» национализации или «муниципализации» земли, предпочитая перевести всю дискуссию в чисто политическую плоскость, что было явно недостаточно» (Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 171, 235. Курсив мой. — М.К.)

² Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 93-94.

на как тип коллективной самоорганизации не просто «разлагалась», бесследно исчезая под натиском классовых борьбы между сельской буржуазией и пролетариатом, а вступила, выражаясь диалектическим языком, на путь самоотрицания.¹ В условиях, как писал Ленин, все более осязаемой «власти денег» и «полной зависимости от рынка» (чего панически боялись народники и с чем вынужденно соглашался Плеханов), освобождаемое от «оков общины» российское крестьянство, благодаря стихийно возникшему процессу кооперации, (не принимаемому в расчет ни Плехановым, ни Лениным), достаточно органично адаптировалось к ним, сохраняя «общинный дух» и *одно временно переходя* к качественно иному этапу коллективного труда и собственности. Эффективность совместного сельскохозяйственного труда при наличии коллективной формы собственности многократно возрастала вследствие того, что последняя теряла свой прежде обезличенно-уравнительный характер, выступая теперь результирующей добровольного, осознанного участия наделенных индивидуальной трудовой собственностью работников. Идеологическая зашоренность, выразившаяся у Ленина в аллергической реакции на частную форму собственности, помешала ему в тот период разглядеть в крестьянине-неэксплуататоре не только потенциального кооператора, но даже «представителя идеи труда» на том основании, что в качестве «мелкого буржуа» (т.е. собственника средств производства) он «в силу этого становится на почву данных порядков... примыкает некоторыми сторонами своей жизни (и своих идей) к буржуазии». Усмотрев в экономических отношениях «общинной» деревни лишь «обыкновенный мелкобуржуазный уклад», Ленин «наглядно и неопровержимо» ограничился в своем анализе исключительно его социально-классовой природой, скроенной к тому же по западноевропейской мерке. В этом он видел «правильность основного» положения марксистов». Все остальные противоречия, наводящие на мысль о наличии «особого уклада» (т.н. «трудовое начало», «народное производство», «соединение земледелия с промыслами» и т.п.), он попросту оставляет в тени как не заслуживающие внимания «искусственные воздействия». Если народникам было свойственно «умиленно превозносить наш аграрный строй, сохраняющий общину и крестьянство и т.д.», то, «называя вещи их настоящим именем», как полагает Ленин, было бы совершенно ошибочным не только противопоставлять его «капиталистической организации земледелия» на Западе, но и вообще говорить о каком-либо «пресловутом отличии» нашего «общинного крестьянина» от «остзейского батрака подобного типа».

Между тем, кооперированное российское крестьянство явилось своеобразным аналогом возникших еще при жизни Маркса в развитых странах Запада и упоминавшихся им в «Капитале» «кооперативных фабрик рабочих». И если там они были, по словам Маркса, «первой брешью» в капиталистическом способе производства, но явлением именно по этой причине, мягко говоря, совсем не типичным, то крестьянская кооперация, достигшая в России поистине впечатляющих масштабов, имела все шансы превратиться в растущий и весьма перспективный социально-экономический уклад с отчетли-

¹ К сожалению, базирующийся на диалектике дифференцированный подход к русской общине так и не получил своего развития в марксистской литературе вплоть до настоящего времени. Даже у Энгельса можно найти на этот счет высказывания, не отвечающие этому критерию вследствие своей категоричной односторонности. В начале 90-х гг. XIX в. он был уверен в том, что без победы западноевропейского пролетариата крестьянская община в России сама по себе обречена на гибель, так как «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не породил из себя самого ничего иного, кроме собственного разложения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 444. — Курсив мой. — М.К.). Хотя акцент на «разложении» и ссылка на отсутствие прецедента эволюции общины, как показали события в России, не служили убедительным доказательством в пользу ее полной нежизнеспособности, главное не в этом. Община здесь, как и в целом ряде других случаев, рассматривается весьма однобоко, исключительно в качестве производственно-хозяйственной структуры, где господствует принцип уравнительного распределения. Считалось, что проникновение в такую структуру рыночных отношений, ведущее к социальному расслоению, лишает совместный, коллективный труд необходимых стимулов. Но это было справедливо лишь для западноевропейского крестьянина. В условиях же России с ее значительно менее благоприятным для ведения сельского хозяйства гео-природным фактором, а также ментальными особенностями, коллективный труд не терял своей привлекательности и для состоятельных крестьян.

во выраженными социалистическими очертаниями. По отношению к «первобытному аграрному коммунизму», о котором писал Плеханов, - помогающему российскому «непосредственному производителю» выжить физически, но создающему непреодолимые препятствия для его всестороннего развития, - это была следующая ступень в эволюции коллективизма, та самая его социалистическая форма, в обличье которой народникам также удалось разглядеть лишь ее однозначное противопоставление капитализму (момент отличия). Россия не могла, конечно, «перескочить» к социализму, минуя развитую ступень капитализма, как полагал Ленин. Но, устранив «централизованный деспотизм» царского режима в феврале 1917 г. и располагая в аграрном секторе смешанной экономики вполне жизнеспособным укладом в виде кооперированного крестьянства, она способна была, сохраняя и расширяя сферу его влияния, демонстрируя очевидные преимущества коллективной собственности и в сфере промышленного производства, создать все необходимые предпосылки для прорыва в индустриальное общество и последующего перехода к социализму. Ближе всего к теоретической разработке этого варианта модернизации России, приблизились в своем аграрно-индустриальном проекте легальные марксисты во главе с П.Б. Струве. Что касается Ленина, он пришел к пониманию колоссального потенциала кооперации тогда, когда «джинн был уже выпущен из бутылки», т.е. установлена в результате политического переворота и кровопролитной трехлетней гражданской войны однопартийная административно-командная система с ее мощнейшим бюрократическим аппаратом на основе столь же всеохватывающей государственной собственности, не оставлявшей места для полноценной коллективной собственности самих трудящихся.

Превратившись вскоре после II съезда РСДРП (1903г.) в теоретического и политического оппонента Ленина, Плеханов, в отличие от него, подчиняет содержащийся в учении основоположников революционный радикализм теоретически безупречной логике материалистического понимания истории. Вместе с тем, он также не обратил внимания ни на отмеченный Марксом феномен уничтожения противоположности между капиталом и трудом в пределах «кооперативных фабрик самих рабочих» (глава «Роль кредита в капиталистическом производстве» в «Капитале»), ни на растущее кооперативное движение крестьянства в самой России. Более того. С именем Плеханова связана история таинственного исчезновения ответа Маркса на письмо В.И. Засулич от 16 февраля 1881 г., где перспектива эволюции крестьянской земледельческой общины напрямую увязывается с «кооперативным трудом, организованным в широком масштабе».¹ Как

¹ Версия об «утаенном» от общественности письме Маркса от 8 марта 1881 г. продолжает периодически привлекать к себе внимание исследователей, причем не только узкого круга историков марксизма. Последний раз это произошло в 1990 г. (См.: Коношная Р.П. Утаил ли Плеханов письмо Маркса? Филимонова Т.И. Так создаются легенды // Диалог. 1990. № 11, 12; Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Завершен ли диалог в «Диалоге»? // Коммунист. 1990. № 18 и др.) По просьбе Маркса письмо не предназначалось для печати, но ввиду исключительной важности рассматриваемой в нем проблемы для российских социал-демократов последние непреходящее значение имели уже сам факт его получения. В нашей литературе он иногда оспаривается. Тем не менее, подобные сомнения можно считать необоснованными, поскольку письмо было найдено в личном архиве П.Б. Аксельрода в 1923 г. и в 1924 г. опубликовано в Берлине Б.И. Николаевским. О получении письма Плеханов был извещен Л.Г. Дейчем, от которого в марте того же 1881г. получил и его копию (См.: Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1924. Сб. 2. С. 218 - 219). После этого следы письма теряются, а о его судьбе и содержании в среде российских социал-демократов начинают ходить легенды. Несмотря на то, что причастность Плеханова к таинственному исчезновению письменного ответа Маркса В.И. Засулич до сих пор остается недоказанной, логически она вполне допустима, учитывая уже расхожущееся в этот период с интенциональностью позиции Маркса собственное мнение Плеханова на этот счет, а также близкий, доверительный характер его отношений с Засулич. Ситуация, действительно, смахивает на детективную историю, тем более, что предпринявший попытку расследования невыясненных обстоятельств Д.Б. Рязанов (крупнейший специалист по истории марксизма, бывший директором Института Маркса и Энгельса), как отмечает Тютюкин, «в свое время обращался с соответствующими запросами к Плеханову и Засулич, а возможно, и к Аксельроду, но те в один голос заверили его, что о письме Маркса, датированном мартом 1881 г., им ничего не известно. Рязанов не преминул при этом бросить двусмысленную фразу о «странной забывчивости» основателей группы «Освобождение труда» и добавил, что еще в 1889 г., будучи в Швейцарии, слышал самые фантастические рассказы о переписке между членами группы и Марксом по вопросу об общине и даже о каком-то личном столкновении на этой почве между Марксом и Плехановым!» (Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 71).

бы то ни было, не может вызывать сомнения то, что Плеханову была доподлинно известна неведомая Ленину точка зрения Маркса на русскую общину и кооперацию как оптимальное направление ее эволюции. Конечно, в алгоритме сформулированной Засулич альтернативной постановки вопроса (община или капитализм) Маркс высказывается в пользу ее сохранения. Но при этом, указывая на задачу создания «для нее нормальных условий на ее нынешней основе», он имеет в виду не ее консервацию (как ошибочно истолковывал, очевидно, этот тезис Плеханов), а только «первый шаг» в ее «дальнейшей эволюции», совпадающий, по его словам, «с общим движением русского общества». При условии нейтрализации «непроизводительных посредников» и получения «нормального количества земли для возделывания» (чего последовательно добивались российские крестьяне, выступая с требованием ее социализации), расширение масштабов крестьянской кооперации и означало, по мысли Маркса, «дальнейшую эволюцию» земледельческой общины.

Не продвинувшись, таким образом, в целом дальше Ленина в понимании вектора исторического движения общинного крестьянства, а в вопросе целесообразности о национализации земли даже отступив от этого рубежа, Плеханов точно также не выявляет в марксизме и концепта его основного противоречия. Указывая на это обстоятельство, Тютюкин полагает, что «внутренние противоречия были хорошо прикрыты блестящими логическими построениями Маркса, которые буквально ослепили Плеханова».¹ (Курсив мой. - М.К.) Однако феномен «ослепления» если и объясняет отчасти причину «популярности марксизма» (наряду с тем, «что в то время он еще нигде не был испробован на практике»), то, во всяком случае, такое объяснение нельзя признать исчерпывающим, не говоря уже о том, что природе самих «внутренних противоречий» биограф Плеханова явно усматривает в их формально-логическом происхождении. Примечательно, однако, то, что, по его словам, Плеханов, «в отличие от Каутского... был убежден, что Бернштейн совершенно не за что благодарить и на его ереси нужно поставить крест, чтобы другим не повадно было высказывать в марксизме противоречия и «узкие» места, подрывая тем самым веру пролетариата в грядущую победу».² (Курсив мой. - М.К.)

Сущность сформулированного Бернштейном «расхождения» между идеологическим и научным аспектами марксистской теории Плеханов списывает, руководствуясь в данном случае «общим правилом» всех ортодоксальных марксистов, не на «какую-нибудь серьезную теоретическую потребность», а на сугубо «практическую цель», оправдывающую в глазах «критиков» «все теоретические средства: побороть или хотя бы только ослабить... революционную тенденцию передового пролетариата».³ В предисловии к третьему изданию работы Энгельса «Развитие научного социализма» он справедливо обращает внимание на то, что при жизни Энгельса эта проблема еще не была актуализирована. Ко времени выхода второго издания русского перевода этой брошюры (1892г.), т.е. еще при жизни Энгельса, «в международной социалистической литературе, - отмечает Плеханов, - еще не высказывалось мнений, согласно которым социалистическая теория вообще не может называться научной. Теперь такие мнения высказываются очень громко и не остаются без влияния на некоторую часть читателей».⁴ (Курсив мой. - М.К.) Справедливости ради следует, однако, заметить, что наличие основного противоречия в марксизме не было тайной для его либеральных критиков уже в тот период, когда вышла в свет его собственная, первая по счету марксистская работа (октябрь 1883г.) «Г. Плеханов, - писал о брошюре «Социализм и политическая борьба» в рецензии, помещенной в эмигрантском журнале «Общее дело» А.А. Христофоров, - горячо и красноречиво убеждает русских социалистов усвоить себе

¹ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 82.

² Там же. С. 160.

³ См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. - Т. II. - М., 1956. С. 615.

⁴ Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию произведения Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» // Эдуард Бернштейн. Возможен ли научный социализм? «Ответ Г. Плеханова». М., ФО СССР. 1991. С. 40.

принципы «научного социализма», главного и даже единственного представителя которого он видит в лице Маркса. Нельзя не сочувствовать этим призывам к научности; но *полное отождествление* последней с доктриной Маркса должно вызывать *сильное возмущение* в особенности ввиду тех заключений, которые были выводимы у нас из *главных положений* этой доктрины». (Курсив мой. — М.К.)¹

Как теоретик (т.е., по выражению Ленина, адресованного Каутскому, «рассуждая абстрактно-теоретически»), Плеханов вполне осознает и достаточно продуктивно использует те преимущества, которые присущи «диалектике в ее отношении», — как он пишет, — *к формальной логике*.² Но в той или иной конкретной ситуации данное *соотношение* у него не всегда четко рефлексируется. В частности, доказывая в полемике с Бернштейном принципиальную возможность научного социализма и руководствуясь при этом именно диалектическим методом, он не различает в *противоречии* его *разноплановые* смысловые грани.

Одним из расхожих аргументов, используемых всякого рода «критиками» Маркса, отмечает он, является утверждение, «что наука не может быть ни социалистической, ни буржуазной... Этот довод, — по его словам, — тоже основывается на смешении понятий», ибо то, что, например, «верно в применении к математике, то ошибочно в применении к общественной науке».³ Естественные науки, конечно, гораздо в меньшей степени подвержены воздействию идеологического фактора, но Плеханов при этом допускает существенную неточность, полагая, что развитием общества (которое является «предметом социологического исследования») «и создается возможность буржуазной общественной науки, равно как и научного социализма». (Курсив мой. — М.К.) Выступая против подобного «уравнивания», либеральные критики в данном случае правы в том, что идеологический аспект теоретического знания нельзя рассматривать в качестве *конституирующего* в структуре и содержании науки и, следовательно, дифференциация ее на «буржуазную» и пролетарскую (или «социалистическую») несостоятельна ни в предметной области математики, ни даже применительно к общественнознанию. Это, разумеется, не означает, что идеологическая позиция ученого (а таковая имеет место и тогда, когда он придерживается политического «нейтралитета») никак не сказывается на его научных изысканиях и что математику в этом отношении, как и утверждает Плеханов, можно приравнять к обществоведению. Верно и то, что «общество проходит в своем развитии известные фазы, которым соответствуют фазы развития общественной науки».⁴ Однако в том то и дело, что буржуазная политическая экономия, на примере которой Плеханов иллюстрирует сформулированный тезис, — это не «фаза развития экономической науки», а лишь *этап в становлении* научного знания в данной области, который в своем классическом выражении *завершается с возникновением марксизма*, где политическая экономия приобретает свой подлинно научный фундамент в виде общетеоретической социологии. По этой причине можно говорить о «буржуазной» политической экономии (имея в виду исторически конкретное *состояние* формирующегося научного знания в этой области в домарксистский период), но нельзя, — о «буржуазной» общественной науке. Политическая же экономия социализма, в свою очередь, — не просто «*другая фаза ее развития*», непосредственно следующая за нею», как он пишет, а тот *водораздел*, который отделяет подлинно научное и во мно-

¹ См.: Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. М., 1983. С. 103.

² Критикуя Бернштейна, он обращает внимание на недопустимость «тех совершенно неясных представлений о диалектике, которыми слишком часто довольствуются даже ортодоксальные марксисты [к которым он, отождествляя ортодоксию с методологией, ошибочно, подобно Каутскому, причисляет и себя. — М.К.]». Надо признать, что в полемике, вызванной «критическими» усилиями г. Бернштейна и компании, большинство ортодоксальных марксистов оказалось *наименее сильным* именно в защите диалектики. Этот недостаток должен быть устранен; мы обязаны решительно отразить все нападения наших врагов на нашу *логическую твердыню*. (Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию произведения Ф. Энгельса «Развитие научного социализма». С. 64. Курсив мой. — М.К.)

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же.

гом *вненаучное* знание. В современном своем виде теоретическое знание, относящееся к области политической экономии, в той мере, в какой оно реализует идеологическую функцию апологетики капитализма усилиями западных и отечественных теоретиков-антимарксистов, по-прежнему *ненаучно*, несмотря на то, что политическая экономия, появившаяся как научная дисциплина с момента возникновения марксизма, обогатилась и собственно *научными* приобретениями, отсутствующими в его «колыбели». Это реальное противоречие между научным знанием и его идеологической экспликацией (в известном смысле даже «эксплуатацией») служит источником и движущей силой развития *любой общественной науки*.

Вместе с тем, если исходить из того, что *буржуазная общественная наука* невозможна в принципе (вследствие отсутствия альтернативной марксизму подлинно научной методологии исследования), то этого нельзя сказать о *научном социализме*: прилагательное «научный» по отношению к идейному комплексу, обозначаемому термином «социализм», используется для того, чтобы отличать его от *утопического*, возникшего, как известно, задолго до появления буржуазных теорий. Иначе говоря, научный социализм «возможен» *именно постольку, поскольку невозможна «буржуазная общественная наука»*.

Таким образом, выдвигаемый буржуазными теоретиками в качестве доказательства их правоты контр-довод на поверку вовсе не оказывается «бессмыслицей», так как указывает на *диалектическое*, а не формально-логическое «противоречие» (впрочем, мы уже останавливались на том, что диалектика и сегодня для них — синоним «бессмыслицы»). К сожалению, это отличие не фиксирует и Плеханов, отмечающий, что «*тут не только нет ни противоречия, ни бессмыслицы, но тут впервые получается возможность взглянуть на самый процесс развития науки, как на закономерный процесс*» (Курсив мой. — М.К.) Тем не менее, первому русскому марксисту вполне удается проследить *диалектически противоречивую* связь между потребностью научного знания в объективной истине и классовой ограниченностью, в той или иной степени свойственной мировоззрению каждого исследователя. «Было бы ошибкой думать, — по словам Плеханова, — что буржуазная экономия состоит из одних заблуждений. Вовсе нет! Поскольку буржуазная экономия *соответствует* определенной фазе общественного развития, постольку она заключает в себе *неоспоримую научную истину*. И вот почему, — поясняет он в сноске, — *классовая буржуазная точка зрения исследователей не только не мешала в свое время прогрессу науки, но была его необходимым условием*. (Курсив мой. — М.К.)¹ Правда, продолжая эту мысль, следовало бы добавить, что и пролетарская «классовая точка зрения» способна приписывать «своим относительным истинам абсолютное значение». Впрочем, если не буквально, то *методологически* собственная позиция Плеханова — мыслителя с этим выводом согласуется или, во всяком случае, его не исключает.

Даже если допустить наличие во взглядах Плеханова «догматизма», ему было бы неправомерно придавать *критериальное* значение в сопоставлении с ленинской позицией по принципиальным вопросам, поскольку, во-первых, теоретическая концепция Ленина также страдает своего рода «революционным» догматизмом (на что прямо указывает Плеханов), и, во-вторых, вследствие того, что эти «догматизмы» *разнонаправлены и неравнозначны* с точки зрения их фактического влияния на судьбу социалистической идеи. Производительные силы, взятые Плехановым, как и лидерами западной социал-демократии, за точку отсчета, являются, как известно, наиболее *динамичным* элементом в системе производства. Именно их неотвратимо поступательным развитием обусловлена, в конечном счете, и смена наличных производственных отношений, и те изменения, которые происходят в социальной структуре, а, следовательно,

¹ Там же. «В предисловии к «Манифесту Коммунистической партии», — пишет он далее, — мы показали это на примере французских буржуазных историков времен Реставрации... Но эта истина относительна именно потому, что она соответствует только известному фазису общественного развития. А теоретики буржуазии, воображающие, что общество навсегда должно остаться в своей буржуазной фазе, приписывают своим относительным истинам абсолютное значение. В этом и заключается их коренная ошибка, исправляемая научным социализмом, появление которого вызвано было тем, что буржуазная эпоха общественного развития приближается к своему концу...» (Там же. С. 60-61)

также и позитивная «долговечность» любой классовой идеологии. Все это, конечно, не что иное как «азбука» марксизма, и, осваивая ее, Плеханов уже в первой своей марксистской работе указывал, что «всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добывающая господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная же по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире».¹ (Курсив мой. — М.К.)

Субъективно Плеханов, конечно, до конца жизни оставался всецело преданным идее «всемирно-исторической миссии» пролетариата. Вместе с тем, идеологическая установка марксизма не приобретает у него *самодостаточный* характер, а, в соответствии с марксистской же диалектико-материалистической методологией оказывается *логически производной* от фактора развития производительных сил и *степени* этого развития. Будучи, в конечном счете, определяющим, действие «экономического фактора» должно было, как полагал не один Плеханов, а все представители неортодоксального марксизма, превратить пролетариев не только в самую передовую, но и *самый многочисленный* слой общества, *завершив* тем самым процесс *подготовки* политической революции. Этот безусловно упрощенный, предельно схематизированный вариант логики самоотрицания капитализма имел, однако, то неоспоримое преимущество, что позволял отвергнуть как *заведомо неприемлемую* любую попытку *преждевременного захвата власти*. По мнению ортодоксов, он являлся наглядным подтверждением «оппортунизма», но такая оценка, как уже было отмечено, критики не выдерживает.

Чтобы в этом убедиться, целесообразно выделить, по крайней мере, три комплексные проблемы, в решении которых позиция Плеханов выглядит предпочтительнее ленинской с точки зрения близости ее *классическим* социально-философским «стандартам».

Закон возрастания роли субъективного фактора в истории

Этот общесоциологический закон в знаменитой формулировке Маркса (из совместного с Энгельсом написанного «Святого семейства») пользовался особым расположением Ленина. Полемизируя с народниками, он подчеркивает, что «в этих словах выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут понять наши народники».² Интерпретация этого закона в редакции самого Ленина сыграла для России поистине судьбоносное значение. В рамках компаративного анализа, обратим внимание на те детали, которые, конечно, не случайно остаются вне его поля зрения.

По определению Маркса, «*вместе с основательностью исторического действия будет... расти и объем массы, делом которой оно является*».³ (Курсив мой. — М.К.) Архитектоника этой дефиниции, действительно, поразительно изящна и логически безукоризненна. Исторический процесс раскрывается, благодаря ей, в виде органического синтеза живой и опредмеченной деятельности в структуре социально-преобразующей практики, причем вторая *логически является приоритетной*. Действие закона возрастания роли народных масс в истории без труда обнаруживает себя в ускорении темпов поступательного развития общества. Эта «основательность исторического действия» — суть ничто иное, как аккумулируемая во времени «обобществляющимся» человечеством совокупность материальных предпосылок, создающая возможность осознанного и все более результативного использования их субъективным фактором. И если Маркс связывает их «*вместе*», не «уравнивая» при этом, поскольку начинает с *объективных* предпосылок, то у Ленина,

по смыслу большей части его высказываний, подразумевается, скорее, обратное соотношение, вплоть до прямой подстановки субъективного «вместо» объективного. Достаточно обратиться к его собственной интерпретации данной закономерности, чтобы убедиться в том, что сознательная деятельность, обусловленная степенью *идеологического* проникновения в сущность решаемых задач, выступает у него и «альфой» и «омега» революционной практики. «*Увеличение глубины захвата исторического действия связано, — по его словам, — с увеличением численности исторически действенной массы*».¹ (Курсив мой. — М.К.) Правда, Ленин иногда оговаривает, что в истории невозможно осуществление «*никаких преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа*».² (Подчеркнуто мной. — М.К.) Но типичным для него, тем не менее, является перенос акцента с формационной именно на деятельностно-революционную парадигму.

В итоге, подвергаясь идеологизирующей корректировке, формула Маркса утрачивает свойственный ей диалектический алгоритм и в редакции Ленина *в неявном виде* приобретает формально-логический: если в историческом процессе «возрастает» роль субъективного фактора, то, по правилам формальной логики, должна как бы «убывать» значимость объективных условий. Поэтому «основательность исторического действия» и приобретает параметры сугубо количественного измерения его масштабом «*революционного творчества масс*». В соответствии с этой логикой получается, что наивысший критерий реализуемости (а, следовательно, и своевременности) стоящих перед революционной партией задач заключается в *ее способности повести за собой* «подавляющее большинство населения», так как «*по мере расширения и углубления исторического творчества людей, должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем*».³ (Курсив мой. — М.К.)

Вряд ли сегодня существует необходимость доказывать, что ни героизм народных масс, их решительность и самоотверженность, ни даже сопутствующая этому выдающаяся роль харизматических лидеров, возглавляющих мощные, вполне «боеспособные» партии, не могут сами по себе, без *наличия всей совокупности предпосылок* обеспечить переход к новому общественному строю. Маркс, как бы то ни было, еще в 1847 г., т.е. тогда, когда находился во власти революционной эйфории, писал о том, что «люди строят для себя новый мир... из тех исторических благоприобретенных, которые имеются в их гниющем мире. В самом ходе своего развития должны они сперва *произвести материальные условия* нового общества, и *никакие могучие усилия мысли или воли* не могут освободить их от этой участи».⁴ (Подчеркнуто мной. — М.К.)

Остановившись теперь на теоретической позиции Плеханова в рассматриваемом аспекте, нельзя не отметить ее созвучность собственно научным выводам Маркса. «Социалистический строй, — неоднократно подчеркивал он, — предполагает по крайней мере два неперемняемых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны». И пока этих условий нет, «толковать об организации социалисти-

¹ Ленин В.И. Из дневника публициста // ПСС. Т. 35. С. 189.

² См.: Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции. (Проект платформы пролетарской партии) // ПСС. Т. 31. С. 163-164.

³ Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? С. 539-540. Этот вывод из «историко-философской теории» Маркса Ленин тиражирует многократно. Так, в декабре 1920 г., выступая на VIII Всероссийском съезде Советов и раскрывая причины победы в гражданской войне, он вновь подчеркивает, что благодаря этому успеху «оправдывается одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся *самым простым и понятным*. Чем больше размах, чем больше *широта исторических действий*, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо *поднять интерес к нему* и сознательное отношение, *убедить в этой необходимости* новые и новые миллионы и десятки миллионов» (Ленин В.И. VIII Всероссийский съезд Советов // ПСС. Т. 42. С. 140. — Курсив мой. — И.К.).

⁴ Маркс К. Морализирующая критика и критикующая мораль. К истории немецкой культуры. Против Карла Гейнца // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 299.

¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 95.

² Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // ПСС. Т.2. С. 539.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики против Бруно Бауэра и компании. С. 90.

ческого общества в нынешней России значит вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию».¹ Но если он вполне «по Марксу» расставлял акценты в трактовке соотношения объективных условий и субъективного фактора, правомерно ли причислять его к теоретикам, «которые по разным причинам уже не *поспевали* за быстротекущим временем, не могли *адекватно* отвечать на его вызов, *обходили* острые вопросы современности»?² (Курсив мой. — М.К.)

Приходится только удивляться «современной» оценке взглядов Плеханова, демонстрируемой даже достаточно объективными исследователями. С.В. Тютюкин, казалось бы, воздает должное его «*трезвому пониманию* того, что социалистической революции должен предшествовать *длительный* процесс ее подготовки и *любой волонтаризм* может обернуться здесь лишь дискредитацией самой идеи социализма с поистине фатальными последствиями... Сегодня, в исторической ретроспекции, — отмечает он. — когда мы уже знаем, к чему пришли в конце концов одержавшие победу критики и хулители Плеханова, его *политическая осторожность* и некоторый «*революционный консерватизм*», если такой термин имеет право на существование, выглядят в глазах многих наших современников *гораздо предпочтительнее*, чем революционный экстремизм и безудержное стремление к захвату власти любой ценой».³ (Курсив мой. — М.К.) Вместе с тем, при всем уважении к личности Плеханова, сравнивая его «с другими лидерами российских марксистов — Лениным, Аксельродом, Мартовым, Троцким», Тютюкин полагает, что он «оказался среди них наиболее ярким и талантливым представителем «книжного», в значительной мере *догматического* варианта марксизма, сформировавшегося в конце XIX в. во II Интернационале. Его *характерными чертами* были *экономический детерминизм*, *безоговорочное признание* мессианской роли рабочего класса как освободителя всех людей труда, *соединение* социалистических и демократических идеалов и *безграничная вера* в возможность их достижения. Не отрицая революционного насилия, эта генерация марксистов связывала, однако, подготовку пролетарской революции не с *заговорщической* деятельностью узкого слоя фанатиков-революционеров, а с *политическим просвещением* и *организацией* широких пролетарских масс под руководством марксистской партии».⁴ (Курсив мой. — М.К.)

В числе инкриминируемых «книжному» или «догматическому варианту марксизма»

¹ Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 129.

² Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 369. Биограф Плеханова явно не замечает того, что попадает в порочный круг двойных оценочных стандартов: накопленного исторического опыта, свидетельствующего о лагуности политики большевиков, которые «постоянно торопили историю, подталкивая народные массы к скоропалительным и радикальным действиям» и их же собственной (т.е. опровергнутой историей, но ставшей на протяжении советского периода *традиционной*) позицией по отношению к инакомыслящим марксистам. Отвергая «характерные для леворадикалов, в частности для Ленина, *поиски новых механизмов перехода* к социалистическим преобразованиям», по мнению Тютюкина, «в конечном счете Плеханов постепенно все больше превращался в *догматика*, который был силен в истории, но оставлял почти без внимания многие новые явления в экономике и политике (монополистическая стадия в развитии капитализма, советская форма демократии и т.д.). То, что Тютюкин именует «*поисками* новых механизмов перехода к социалистическим преобразованиям», на поверку оказалось лишь теоретически несостоятельной *попыткой абсолютизации* марксистской идеологии, ибо никакого много, а тем более «нового механизма перехода» ортодоксальные марксисты предложить не смогли. Плеханов же настаивал именно на «классическом», т.е. диалектико-материалистическом понимании этого процесса. Однако, «*счастливым образом избегав* многих леворадикальных иллюзий и *справедливо предупреждая* об опасности левого экстремизма и разного рода социальных экспериментов, он, — по словам Тютюкина, — к сожалению, не смог *нащупать* ту грань, которая отделяла *истинно творческий марксизм* от его искажений правого и левого толка. А впрочем, — задается он риторическим вопросом, — *кто из теоретиков II Интернационала* нашел ее эту золотую середину? Если под «творчеством» понимать не идеологические «новации» «леворадикального толка», об ущербности которых Плеханов предупреждал задолго до Октября, в чем тогда состоит критерий «истинно творческого марксизма»? Тютюкин «счастливым образом избегает» проникновения в теоретическую глубину этого вопроса, оставляя его открытым, ибо в противном случае ему пришлось бы признать, что ответ на него следует все же искать в свойственном Плеханову «догматическом» тяготении «к более взвешенным и осторожным решениям». Тем более, что он получал «нередко... за это *незаслуженные* политические пощечины и обвинения в *оппортунизме* и предательстве интересов революции» (См.: Там же. С. 370-371. — Курсив мой. — М.К.)

³ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 374, 373.

⁴ Там же. С. 374.

обвинений у Тютюкина фигурирует все тот же стандартный набор из надуманных его пороков, авторство которого принадлежит ортодоксальным марксистам. Широко распространенное в советский период мнение о якобы присущем лидерам западной социал-демократии «экономическом детерминизме», как уже было сказано, можно смело отнести к разряду идеологически тенденциозных преувеличений, призванных теоретически дискредитировать их основополагающую установку. Точно также не состоятелен и тезис о «безоговорочном признании мессианской роли рабочего класса», коль скоро это «признание» выводилось из постулата о динамике развития производительных сил. Реализуемость принципа «соединения социалистических и демократических идеалов» сегодня, при всей его недостаточно четкой осмысленности, все же вполне наглядно подтверждается в практике современного социал-демократического движения. Что же касается «безграничной веры в возможность их достижения», то она, будучи поставлена на материалистическую почву, как и полагал Плеханов, не только не препятствует прогрессивному социальному развитию, но, напротив, является его необходимым условием.

Можно ли, следовательно, «в итоге» согласиться с тем, что оставались «крайне абстрактными» и «его взгляды на социалистическую революцию и социализм»?

Соотношение социальной и политической революции

Для ответа на поставленный вопрос начнем опять с Маркса, в ранних работах которого политическая революция соотносится с социальной, как часть и целое. «Каждая революция, — писал он в 1844 г., — разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть*, и постольку она имеет политический характер».¹ Будучи необходимым условием и составной частью *коренных* социальных преобразований, политическая революция, вместе с тем, принципиально отличается от *содержания* процесса перехода к новому общественному строю *в целом*. В качестве «политического акта» она преследует вполне определенную цель — «*ниспровержение* существующей власти и *разрушение* старых отношений». Поэтому «мысля в рамках политики, пролетариат, — по словам Маркса, — видит причину всех зол *в воле* и все средства помочь делу — *в насилии* и *в низвержении* той или иной *определенной государственной формы*».²

Позднее, раскрывая диалектическую взаимосвязь производительных сил и производственных отношений, Маркс вводит понятие *технологической* революции, дополняющей революцию политическую в *исторических границах социальной революции*: «Вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция *технологическая*, совершается также и *революция в производственных отношениях*».³ (Курсив мой. — М.К.) Таким образом, руководствуясь его методологией, можно сделать вывод о том, что при наличии технологических предпосылок для перехода к новому способу производства, отсутствие радикальных изменений в надстройке свидетельствует лишь о том, что *социальная революция остается незавершенной*. Политическая же революция является *кульминационным* и именно поэтому хорошо различимым *этапом* ее, образно говоря, вершиной того айсберга, без наличия «подводной» части которого она вообще теряет всякий позитивный смысл. Только с учетом этого обстоятельства можно объяснить применительно к современной эпохе тот парадокс, что чем полнее материально-технические предпосылки *происходящей* на наших глазах *социальной* революции, тем очевиднее становится *неправомерность абсолютизации* революции *политической*. Это означает, что, обеспечивая развитию производительных сил все еще «достаточно простора», капиталистическая общественная формация *уже находится в стадии самоотрицания* вследствие функционирования коллективной формы собственно-

¹ Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 448.

² Там же. С. 446.

³ Маркс К. Экономическая рукопись 1861 — 1863 годов // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 461.

сти в виде социально-экономического уклада, а «человечество, — как писал Маркс, — ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить».

В известном смысле, следовательно, не будет преувеличением утверждать, что ортодоксальный марксизм выдает *видимую сторону социального переворота* (политическую революцию), ведущую непосредственно лишь к изменению надстройки, за *наиболее глубокую сущность* социальных преобразований — превращение новой системы производственных отношений из *укладного* состояния в *базисное*. Будучи такого рода диалектическим «синтезом», *социальная революция* — это не одномоментный акт завоевания политической власти и даже не совокупность политических революций во многих странах, а *эпоха*, включающая в себя в качестве *обязательного этапа* революцию в производственных силах, происходящую «в недрах самого старого общества». Любая социальная революция — это, разумеется, радикальная ломка предшествующего типа формационной структуры; но именно потому, что как «естественноисторический процесс» она растягивается во времени (и по этой причине достижима только на протяжении жизни многих поколений людей), радикализм ее во всей полноте обнаруживает себя лишь в итоге — в рамках нового формационного качества. Иначе говоря, понятия «социальная эволюция» и «социальная революция», взаимосвязь которых, вследствие сведения содержания последнего к признакам революции политической, часто традиционно ограничивается их противопоставлением, (*как количественных и качественных изменений*) соотносятся гораздо более сложным образом: первое значительно шире по содержанию, чем второе ибо включает в себя не только «скачки» (внутренне противоречивые «перерывы постепенности»), но и преемственную связь между ними, это весь исторический процесс в целом т.е. в единстве прерывности и непрерывности *социальной формы* движения материи. Как единица временного измерения социальной революции, *переходная эпоха* охватывает (о чем говорилось выше) период, начало которого характеризуется возникновением в рамках предшествующей ОЭФ материальных предпосылок последующей, высшей формации, обуславливающих внутри данного способа производства обостряющийся конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями. Завершается она тогда, когда производительные силы достигают уровня развития, недостижимого в условиях старой формации благодаря полной реализации потенциала нового базиса.

Это, ставшее едва ли не банальным, положение — «краеугольный камень» формационной теории, — принималось в расчет, разумеется, и ортодоксальными марксистами, но лишь «абстрактно-теоретически». Фактически же, вследствие вносимых в социально-философскую концепцию политических корректив, сущность «эпохальных» революционных изменений отождествлялась с завоеванием политической власти. «Переход государственной власти из рук одного в руки другого к л а с с а есть, — по словам Ленина, — первый, главный, *основной признак революции* как в *строго-научном*, так и в практически-политическом значении этого понятия».¹ (Подчеркнуто мной. — М.К.) Эта вульгарно-идеологическая редукция в интерпретации содержания социальной революции проявляется у Ленина, мягко говоря, весьма своеобразно. С одной стороны, он недвусмысленно настаивает на том, что «всякий политический переворот, если это не смена клика, есть социальная революция, — вопрос только в том, социальная революция *какого класса*».² Так, по его мнению, февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года — «это... социальная революция *буржуазии*». В этом варианте понятие «социальная революция» утрачивает свои «родовые» признаки постольку, поскольку является синонимом *политической* революции, т.е. не отвечает формально-логическому критерию (закон обратно-пропорционального соотношения между объемом и содержанием понятия). С другой стороны, выделяя из этого ряда «социалистическую» революцию, он называет «неуклюжей и научно-неверной терминологией» попытку редакции

¹ Ленин В.И. Письма о тактике // ПСС. Т. 31. С. 133.

² Ленин В.И. Как запугивают народ капиталисты? // ПСС. Т. 32. С. 120.

«Финансовой Газеты» «смешивать» ее с революцией «социальной».¹

В соответствии с ленинской интерпретацией на протяжении всего советского периода было принято считать, что в качестве высшего типа социальной социалистическая революция обладает спецификой, в силу которой она выходит за рамки общих закономерностей перехода от одной ОЭФ к другой. В угоду идеологическим стереотипам точкой отсчета («зачатия» нового общества) выступала уже не зрелость материальных предпосылок, определяемая уровнем развития производительных сил, а «революция в производственных отношениях», диагностирующая радикальный разрыв со всей предшествующей историей. Предполагалось, что завоевание политической власти создаст не только необходимые, но и достаточные условия также и для решения задач «технологической революции». Вытесняемая на задворки теоретического анализа, формационная парадигма становилась схемой, выкраиваемой по желанию «заказчика». В порядке «компенсации» издержек, обусловленных односторонностью идеологического подхода, понятия социалистической революции различали в широком и узком ее значении.²

Ленинскую установку на обострение классовой борьбы и превращение войны империалистической в войну гражданскую Плеханов рассматривал как главную угрозу для еще не сформировавшейся российской демократии. Даже сама мысль о социалистической революции в России казалась ему не только бредовой, но и чудовищной. Плеханов прекрасно отдавал себе отчет в том, что завоевание политической власти — задача, неспособная по сложности с переходом к социалистическому обществу, требующим учета целого ряда самых разнообразных факторов. «При этом, — отмечает Тютюкин, — Плеханов *хорошо понимал*, что без буржуазной цивилизации и буржуазной демократии (со всеми их изъянами и пороками), на одном *бунтарстве* и патриархальном *коллективизме* «снизу» и *насилии* «сверху» *социализм построить нельзя*».³ (Курсив мой. — М.К.)

Уверенность его в преждевременности социалистических преобразований основывалась, в том числе, и на соответствующем мнении Энгельса, предсказавшего еще в 1887 г. неизбежность большой европейской войны, чреватой серией революций.⁴ Парадоксально, но Энгельс был убежден, что благополучный исход революционной борьбы в мирное время неизмеримо *предпочтительнее* возможности более «легкой» победы революции, вырастающей из войны. Поэтому он подчеркивал, что социалисты всех стран неизменно выступают за мир.⁵ Сохраняя приверженность идее «диктатуры пролетариата», Плеханов переносил срок ее реализации в сравнительно отдаленное будущее, когда численность наемных рабочих будет преобладающей. «Война, так беспощадно разоблачившая нашу постыдную техническую беспомощность и обусловленную ею страшную экономическую отсталость, — писал он, — доказала это с математической

¹ См.: Там же. Основание для такого утверждения он усматривает в том, «что рабочие и крестьяне не могут удовлетвориться одним захватом власти буржуазией», а вынуждаемый разрухой и бедствиями военного времени «переход к контролю за производством и распределением... невозможен... иначе, как... при подчинении меньшинства населения большинству». Но, — и этот аргумент он относит к «самому главному», — даже социалистическая революция не предполагает лишения имущественных прав этого большинства: «ни один социалист никогда не предлагал отнять собственность у «десятков миллионов», т.е. у мелких и средних, крестьян... Все социалисты всегда опровергали подобный вздор. Социалисты хотят добиться «отречения» только у помещиков и капиталистов». Причем, что весьма примечательно, «даже и у этой горстки богачей не нужно, — пишет Ленин, — отнимать «все» их имущественные права, можно оставить им и собственность на многие предметы потребления, и собственность на известный, скромный доход» (Там же. С. 121-122).

² В ответственной литературе, включая философскую, эта искусственная и к тому тавтологичная дифференциация выглядела, по меньшей мере, малоубедительной. По определению Ю.А. Красина в «Философском энциклопедическом словаре» (1983г.), «социалистическая революция в широком смысле слова охватывает переходный период от завоевания власти рабочим классом до построения социализма. В узком смысле слова социалистическая революция означает переход власти в руки рабочего класса, установление диктатуры пролетариата» (Философский энциклопедический словарь. С. 632).

³ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 374.

⁴ См.: Энгельс Ф. Ведение к брошюре Борхейма «На память ура-патриотам 1806 — 1807 годов» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 361.

⁵ Энгельс Ф. Социализм в Германии // Там же. Т. 22. С. 259.

убедительность сил на капиталистической основе».¹

Наряду с отмеченными в наибольшей степени разногласия между Плехановым и Лениным проявились в области организационно-тактических принципов взаимодействия марксистской партии с союзниками и противниками в классовой борьбе. Несмотря на прижизненное поражение, приписываемое «догматизму» его мышления, Плеханов и здесь продемонстрировал гораздо большую глубину теоретического анализа.

*Историческая миссия российского пролетариата :
передовой борец за демократию или творец «продвинутой» диктатуры?*

Ленинская оценка «отношения диктатуры к демократии» нуждается, ввиду своей значимости, в специальном рассмотрении. В рамках сформулированной проблемы выделим главное: почему, собственно, ее нельзя считать диалектической и, соответственно, в чем выразилось теоретическое превосходство Плеханова.

Исходя из требований диалектической логики, Ленин, казалось бы, совершенно справедливо, указывая на ограниченность «вульгарно-буржуазной точки зрения», настаивает на том, что демократию и диктатуру неправомерно рассматривать как *абсолютные* противоположности. В качестве *принципиально отличных* форм государственного устройства они, действительно, не только исключают, но и *дополняют* друг друга. Следовательно, для того, чтобы установить различие между ними, необходимо выявить точку их соприкосновения или *совпадения*. Но здесь-то как раз и обнаруживается вся теоретическая узость и уязвимость ленинской позиции, поскольку социально-политическая *сущность* как буржуазной, так и пролетарской демократии всецело (т.е. уже *недиалектически*) *отождествляется* им с *диктатурой* как классовой сущностью государства. По мысли Ленина, подчинение меньшинства большинству в условиях буржуазной демократии носит сугубо формальный характер, поскольку «она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определенное устройство государства и управление им». Фактически же, в силу своей классовой сущности буржуазный «более или менее полный демократизм в демократической республике... всегда остается... демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых» и диктатурой для эксплуатируемого большинства, а пролетарская демократия, наоборот, есть «демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т.е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа».² И хотя с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата за свое

освобождение буржуазная «демократия имеет громадное значение», его, по мнению Ленина, не следует переоценивать, так как она неизбежно остается для трудящихся масс урезанной, лживой и политически дезинтегрирующей.

Ленин сознательно устраняется от анализа сущности демократизма как *принципа социального управления*, полагая при этом, что «демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству». Правда, весьма симптоматично, что, он таки упоминает мимоходом о «примитивном демократизме», который встречается «в первобытные или в докапиталистические времена». Вместе с тем, даже гипотетически нельзя согласиться с ним в том, что в перспективе может исчезнуть «надобность во всяком управлении вообще». Наличие же насилия или, точнее, принуждения как *элемента* в механизме социального управления является общим признаком всех «разновидностей» государства. И если диктатура представляет собой *крайнюю* форму насилия, то и демократия отнюдь не исключает его как такового если не в масштабе классообразующих признаков, то по отношению к отдельным индивидам. Более того, о насилии или «подчинении одного человека другому, одной части населения другой его части» правомерно говорить и тогда, когда вместо «авторитета силы» используется «сила авторитета». В бесклассовом обществе абсолютное большинство его членов вполне способно «привыкнуть», как пишет Ленин, «соблюдать несложные, основные правила всяческого человеческого общежития», но отсюда не следует, что исчезает необходимость «всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще». *Принимая самые разнообразные формы и играя различную роль в истории, принуждение со стороны общества по отношению к индивиду остается неизменным атрибутом не только правовой, но и моральной регуляции.* Причем последняя, как признает он сам, гораздо эффективнее, конечно, при условии устранения «коренной социальной причины эксцессов». Элемент принуждения или «насилия», исключаемый Лениным из структуры бесклассового типа общественного устройства, предстает в противопоставляемом ему классово-антагонистическом обществе в виде сущности «наиболее глубокого порядка», метафизической отождествляемой с *диктатурой*.

Если демократическая форма управления, пусть даже «на словах» обещает равенство и свободу», но *предполагает*, тем не менее, *участие значительной* массы населения, то как обстоит дело с субъектом диктаторских полномочий? Ленин не только расширяет круг этих субъектов до классового масштаба, но и оставляет многозначительное «и т.д.», т.е. фактически вообще *уходит от ответа*. Уже по этой причине его аргументация на этот счет весьма сомнительна и, по меньшей мере, ненаучна. Между тем, среди обличенных полнотой государственной власти субъектов в рамках неизбежно иерархизированной (даже при наличии «формального равенства» в верхнем эшелоне власти) социальной структуры лишь один может претендовать на статус высшего должностного лица. Диктатор, разумеется, не может не опираться на какой-то социальный слой, но социальная база диктатуры всегда, что называется, «по определению», составляет меньшую и даже *незначительную* часть общества. Класс, вследствие своей *неоднородности*, данному критерию вряд ли соответствует. Поэтому речь может идти лишь о *значительно меньших* по численности *внутриклассовых* группах. В этом отношении весьма показателен роспуск большевиками Учредительного собрания, которое, по выражению Плеханова, «обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России». Введенная *от имени пролетариата* диктатура приняла рельефные очертания, как только стали очевидными идеологические предпочтения многомиллионного крестьянства и значительно уступающая им притягательность большевистской программы. «Их диктатура, - отмечал Плеханов в последней своей статье, - представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру *группы*. И именно поэтому им приходится все более и более учащать употребление *террористических* средств. Употребление этих средств есть *признак шаткости положения*, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае ни социализм вообще, ни марксизм в частности тут *совершенно ни при чем*. Тактика Смольного есть тактика Бакунина, а во многих

¹ Плеханов Г.В. Год на родине. Т. II. С. 30, 53-54. Упреки в политическом авантюризме и стремлении Ленина насиловать историю раздавались, конечно, не только со стороны «оборонца» Плеханова. Еще в 1905 г. меньшевик А.С. Мартынов (Пиккер) в своей нашедшей брошюре «Две диктатуры», формулируя общую позицию этого крыла российских социал-демократов, считавших себя, по его словам, «сознательными орудиями бес- сознательного процесса», выдвинул иное представление о революционности. Она «выражается, - как он писал, - не в революционном насилии над историей, а, напротив, в целесообразной помощи той революции, которую делает сама история» (Мартынов А.С. Две диктатуры. Женева, 1905. С. 52. - Курсив мой. - М.К.) Тот же Мартынов в статье «Движущая сила русской революции» (1908 г.) и «Кто ликвидировал идейное наследство» (1909 г.) высказался по вопросу о гегемонии пролетариата. В ходе возникшей в связи с публикацией статей оживленной дискуссии его собственная трактовка идеи гегемонии получила поддержку других меньшевистских идеологов. И хотя Мартынов необоснованно отвергал приоритет Плеханова в постановке самой проблемы гегемонии, его критика большевиков, которых он объявил не хранителями, а вульгаризаторами революционных традиций, была вполне заслуженной. «По мнению Мартынова, большевики оттолкнули от революции либералов, реставрировали многие положения народнической доктрины, взяли курс на революционную диктатуру, превратили партию в организацию профессиональных революционеров и подменили ею пролетариат как класс. В результате на смену прежней трактовке гегемонии пролетариата в духе идей группы «Освобождение труда», которая предполагала тесное сотрудничество всех демократических и либеральных элементов российского общества при иницирующей роли рабочего класса, пришло гораздо более жесткое ленинское понимание гегемонии как руководящей роли революционной партийной организации, диктующей свою волю всем непролетарским слоям и стремящейся максимально ускорить ход событий во имя захвата власти революционерами, не считаясь при этом с реальными условиями и желанием самих объектов этого социал-демократического воздействия» (Пютюкин С.В. Указ. Соч. С. 283).

² См.: Ленин В.И. Государство и революция. С. 100, 87, 89.

случаях просто-напросто тактика Нечаева».¹(Курсив мой. — М.К.)

К числу допущенных Лениным теоретических ошибок, вытекающих из леворадикального противопоставления буржуазно-демократической революции социалистической (в ее политизированном истолковании), следует отнести и смещение акцента в дефиниции пролетариата от «гегемона» к «диктатору». В ленинской интерпретации переход от одного смыслового оттенка к другому выглядит, на первый взгляд (т.е., во всяком случае, — формально), достаточно убедительным. Если под «гегемонией пролетариата» понимается его *руководящая* роль в *союзе* со всеми *остальными* классами и выражающими их интересы партиями в борьбе с самодержавием, то в социалистической революции она, в соответствии с *принципиально иными* задачами, должна трансформироваться в необремененную уже «никакими законами» «буржуазного права» и, тем более, моральными обязательствами по отношению к прежним «временным» союзникам, «непосредственно насилие» опирающуюся политическую власть «самого передового класса». Исключение, сделанное в этом отношении для крестьянства, было, по существу, не более, чем вынужденным, сугубо идеологическим «реверансом», ничего не меняющим политически и очень мало — теоретически.

Используемая Лениным смысловая дифференциация «исторической миссии» пролетариата в России *терминологически* осталась у Плеханова должным образом не проясненной, несмотря на то, что в практике революционной борьбы определенные коррективы им все же вносились. Отвечая в одной из своих статей на критику меньшевиков (и Мартынова в том числе), он в 1910 г. «предпочел... уйти... от некоторых щекотливых вопросов... ничего не сказав об эволюции самого содержания понятия «гегемония» в конце XIX — начале XX в., роли П.Б. Аксельрода в развитии этой важной идеи и об изменении позиции меньшевиков, которые в начале 1905 г. неоднократно называли в «Искре» гегемонию пролетариата характерной особенностью начавшейся революции, затем изгнали этот термин из своего политического словаря, а потом признали устами Мартова, что после октября 1905 г. никакой гегемонии пролетариата в русской революции уже не было».² В отличие от меньшевиков, оказавшихся в результате идеологически дезориентированными, положение Плеханова, продолжавшего разделять приверженность идее гегемонии пролетариата, было значительно более выигрышным. Главную задачу пролетарской гегемонии Плеханов усматривал в воздействии нелегальной социал-демократической партии на политически неразвитые крестьянские массы.³ Объективно это во многом сближало его собственную позицию с ленинской, хотя наметившийся очередной кратковременный союз не был ни безоблачным, ни прочным. Плеханов по-прежнему рассматривал Ленина как бланкиста-заговорщика, честолюбивого, рвущегося к власти пар-

тийного диктатора и «дубоватого» марксиста, безоговорочное «тесное сближение» и, тем более, союз с которым «было бы, — по его выражению, — нашим самоубийством».⁴

Формально Плеханов, как известно, не причислял себя ни к большевикам, ни к меньшевикам, подчеркивая, что стоит «на точке зрения идей группы «Освобождение труда».⁵ Даже Ленин вынужден был в той или иной мере считаться со своеобразием этой позиции, именуя ее «особой». Биографы же Плеханова склонны видеть в этой многолетней идейно-теоретической идентификации Плеханова подтверждение якобы собственного ему пресловутого «догматизма». «Уже один тот факт, — пишет С.В. Тютюкин, — что в 1900-х годах он считал взгляды членов группы «Освобождение труда» двадцатилетней давности своего рода эталоном русского марксизма, говорит о многом и явно не в пользу Плеханова».⁶ (Курсив мой. — М.К.) В то же время, опять — таки *вопреки* собственному утверждению, Тютюкин достаточно высоко оценивает этот «своеобразный центризм, если понимать под ним не беспринципное политиканство и демагогическое использование левой фразы для маскировки своей соглашательской политики (а именно так нас учили понимать его прежде), а поиск реалистического и сбалансированного подхода к решению революционных задач, далекого как от левого экстремизма, так и от откровенного реформизма. Причем по некоторым вопросам (подготовка вооруженного восстания, отношение к крестьянскому движению) Плеханов был в 1905 г. ближе к большевикам, а по некоторым («захват власти», оценка либерально-буржуазного движения) — к меньшевикам».⁴ (Курсив мой. — М.К.)

С большевиками в общетеоретическом аспекте его объединяла, по собственному признанию, идея партийности.⁵ Однако в понимании механизма последовательной реализации политических и идеологических интересов рабочего класса он, чем дальше, тем больше становился их непримиримым оппонентом. Плеханов достаточно обоснованно полагал, что большевики с их «ненасытным фракционным аппетитом» еще не доросли до представления о подлинной партийности. Известный ленинский тезис: «прежде, чем объединяться и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться», — акцентировал именно на неизбежности раскола российской социал-демократии, создавая вокруг партии «нового типа» ореол *воинствующей* революционности. Центристская позиция Плеханова преследовала цель сохранить партию как единый социально-политический организм, избавившись ее от деления на «фракционные курятники».⁶ Подобно Ленину Плеханов также исходит из признания подпольных организаций ядром марксистской рабочей партии в России и считает чрезвычайно важной работу по очистке ее от оппортунистических элементов — «ликвидаторов» у меньшевиков, «ультиматистов» и «отзовистов» — у большевиков. Однако, в отличие от Ленина, он не ограничивается *декларативной* постановкой вопроса об «объединении» под знаменем пролетариата «всех демократических элементов страны». «Генеральное межевание» внутри партии не должно было, по его убеждению, оттолкнуть от революционного движения все те силы, которые были объективно заинтересованы в свержении царизма. Поэтому восстановление единства в РСДРП он понимает не как результат утверждения «*единомыслия*», а как творческий, не исключающий споров, поиск взаимоприемлемых решений, обусловленный наличием *общей* цели и предполагающий многообразие способов ее достижения. «Такое сближение, — как полагал Плеханов, — возродило бы нашу партию и сделало бы ее способной с честью выполнить свою *ближайшую* историческую миссию: *руководительство («гегемония»!)*

¹ Плеханов Г.В. Буки Азь — Ба // Наше единство. 1918, 11, 13 января. Завершая статью, Плеханов снимал с себя всякую ответственность за действия ортодоксальных «учеников» Маркса. «Я до сих пор думаю, — писал он, — что тактика большевиков представляет собою *совершенно незаконный вывод* из тех тактических положений, которые проповедал я, опираясь на теорию Маркса — Энгельса» Проводя параллель с известным высказыванием Н.К. Михайловского о «дарвинятах», Плеханов с присущим ему сарказмом, подчеркнул: «... Нельзя и меня, как теоретика русского марксизма, делать *ответственным* за всякое *нелепое и преступное* действие всякого русского «марксенка» или всякой группы «марксят». Откровенно говоря, я думаю, что мы будем гораздо ближе к истине, признав нынешних наших большевиков не моими детьми, а двоюродными братьями гражданина Чернова. Недаром же его орган жаловался несколько недель тому назад на то, что большевики сделали *важное похищение* из сокровищницы черновской премудрости (преимущественно по *аграрной* части)» (Там же. — Курсив мой. — М.К.)

² См.: Мартов Ю.О. К 1 мая / Голос социал-демократа. 1908. № 4-5; Рубакин Н.А. Среди книг. СПб., 1913. Т. 2. С. 771 — 772 (письмо Мартова Рубакину о сущности меньшевизма) // Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 284-285. Тютюкин справедливо указывает на то, что «гегемония пролетариата, которая продержалась в ходе революции в лучшем случае лишь до манифеста 17 октября 1905 г., носила как бы *вынужденный* характер, поскольку пролетариат и социал-демократия лишь *заполняли вакуум*, образовавшийся в общественно-политической жизни страны в результате слабости и неорганизованности торгово-промышленной буржуазии. Претензии пролетариата на политическую гегемонию в освободительном движении оказались, как *полагали* меньшевики, явно несостоятельными, и выдвигать их в дальнейшем было бы по меньшей мере *неразумно*» (Там же. С. 263. — Курсив мой. — М.К.)

³ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 289, 291.

⁴ См.: Там же. С. 22; РЦИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 152. Л. 1 — 2.

⁵ «... В каждое данное время, — писал он Н.А. Рубакину, — я ближе к той из нынешних фракций социал-демократии, которая ближе к этим идеям. Я считаю, что прогресс нашей партии именно состоит в лучшем и лучшем усвоении ею идей группы «Освобождение труда». Такая «формула прогресса» не позволяет зачислять меня ни в одну из фракций». (Исторический архив. 1956. № 6. С. 19).

⁶ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 370.

⁷ Там же. С. 213.

⁸ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 60.

⁹ См.: Там же. С. 120.

всеми живыми общественными силами в их более или менее близком, но неизбежном столкновении с торжествующей теперь реакцией».¹ (Курсив мой. — М.К.) Поскольку объективная основа для объединения действительно имела и IV съезд РСДРП (1906 г.) даже явился в этом отношении прецедентом, упущенный после этого исторический шанс уже целиком лежит на совести ортодоксальных марксистов.

Приобретение рабочим классом, вследствие слабости и нерешительности буржуазии, статуса гегемона в российском освободительном движении означало, что таким «гегемон» становится прежде всего его авангард - рабочая партия. Однако фракционный раскол в значительной мере снижал и теоретический, и политический, и организационный потенциал РСДРП. В письме Каутскому (1911 г.) Плеханов прямо указывает на то, что «дисциплины совсем не существует в партии: она существует только исключительно в пределах фракций». Следовательно, имеются две дисциплины: большевистская и меньшевистская.² Предпринимая порой героические усилия для того, чтобы встать «над схваткой», Плеханову удалось избежать односторонности меньшевистского тяготения к западноевропейской модели социал-демократического движения, с одной стороны, и большевистского радикализма, - с другой. Тактические взгляды большевиков, по мнению Плеханова, весьма схожи с особенностями таких революционеров-утопистов, как Бланки, Бакунин и им подобных, а это даже хуже, чем «пересмотренный» марксизм обвиненных в ревизионизме меньшевиков (к которым он в данном случае относил и себя).³ В этой связи Плеханов высказывает весьма примечательное предположение о том, что в условиях России Маркс был бы, пожалуй, чистейшим меньшевиком.⁴ Подобная же мысль, кстати, принадлежит, как было отмечено выше, и Н.А. Бердяеву.

Поворот Плеханова вскоре после II съезда РСДРП к союзу с меньшевиками выглядел в глазах многих представителей обеих «конкурирующих» фракций, мягко говоря, неблагоприятным поступком. Однако если принимать во внимание, что критерием подобной негативной оценки этого зигзага его политической линии выступал исконно «русский максимализм», вряд ли его можно осуждать как перебежчика. Причина, во всяком случае, кроется вовсе не в измене политическим или, более того, идеологическим принципам, оставшихся нерушимыми на протяжении всей его жизни. Изменение собственной позиции в конце 1903 г. Плеханов, отмечает Тютюкин, считал «приме-ром... широкого, непредвзятого подхода к проблемам внутривнутрипартийной жизни», стремлением «встать выше формального подчинения букве партийного устава и придерживаться не юридической, а более широкой, политической точки зрения». Кроме того, и «большевизм» Плеханова в августе - октябре 1903 г. был весьма относительным и его последующий переход на сторону меньшевиков тоже сопровождался рядом оговорок... Своим «незакомплексованным» поведением «отец» русского марксизма как бы «предостерегал от излишней подозрительности к инакомыслию в рамках марксизма, от искушения судить обо всем происходящем на основании двух-трех формул, якобы заключающих в себе всю квинтэссенцию «ортодоксии», от примитивных метафизических рассуждений по схеме: да - да, нет - нет, а что сверх того, то от лукавого».⁵

¹ Там же. С. 67.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 283-284.

³ В сборнике «Мы и они» (1907 г.), опубликованном сначала в Женеве, а потом в Петербурге, Плеханов выявляет всю пагубность революционного максимализма. «У вас два врага, - популярно объясняет он. - Разумная тактика требует от вас, чтобы вы сначала сосредоточили свои силы на одном из них и, разбив его, устремились на другого... Правительство, - этот враг, который прежде других должен быть разбит вами, - встречается и до поры до времени будет встречать противодействие со стороны кадетов. Это значит, что наши враги пока сорвутся и между собою. Разумная тактика требует от вас, чтобы вы, сосредоточивая свои силы против правительства, использовали в интересах революции ту оппозицию, которую пока еще делает ему «партия народной свободы». А вы боитесь этого как измены; вопреки здравому смыслу вы стараетесь помирить друг с другом ваших, пока еще ссорящихся между собою, врагов и потому, воображая себя верными хранителями революционных принципов, вы наносите серьезный вред революции» (Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 408. - Курсив мой. - М.К.).

⁴ Там же. С. 410.

⁵ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 193, 191, 192.

Немаловажное значение, по мнению Плеханова, имело и то обстоятельство, что фактическое деление на «большевиков» и «меньшевиков» было случайным и весьма условным. «Я принадлежал на съезде к большинству, которое... и произвело выборы в партийные центры, - писал он. - Но большинство это было совершенно незначительное большинство. До того незначительное, что когда на одном из последних заседаний один из наших перешел к меньшинству, то съезд оказался разделенным на две равные части... Выходило, что люди, выбранные одной половиной, должны были руководить всеми. Я тогда же почувствовал, что это было ненормально. Но я еще не знал тогда, к каким практическим неудобствам поведет такая ненормальность».¹ Выступая в сентябре 1904 г. на встрече социал-демократов в Женеве и развивая данную мысль, Плеханов пронизательно говорил: «Продолжать политику так называемого «большинства» значило организовать в партии гражданскую войну, упорную и крайне вредную для нашего дела, борьбу между почти равными силами».² (Курсив мой. - М.К.)

Обосновывая исключительно важную роль марксистской партии в структуре движущих сил революционного процесса, призывая к ее «укреплению... и к упрочению ее влияния на широкую рабочую массу».³ Плеханов, вместе с тем, категорически возражает против концентрации власти в руках партийного аппарата, которая привела впоследствии к фактической подмене гегемонии рабочего класса диктатурой партийной верхушки в лице «профессиональных революционеров». Гносеологическую подоплеку ее он резонно усматривает в непреодоленном Лениным до конца «инстинктивном» марксизме. В большой статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» Плеханов заявил о том, что обнаружил в ленинской работе «Что делать?» теоретические ошибки еще до ее публикации в печати и «якобы даже настаивал тогда на переработке ряда мест, где шла речь о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении»; причем «сам Ленин пообещал ему внести в рукопись необходимые исправления (но не сделал этого)».⁴ Лишь в ноябре 1905 г. под влиянием, надо думать, и критических замечаний Плеханова, Ленин при определении «нового курса» отказался от прежнего утверждения о том, что стихийный рост рабочего движения никак не повлиял на возникновение социал-демократической теории. «Рабочий класс, - писал он, учитывая опыт революции, - инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность».⁵ (Курсив мой. - М.К.)

Соединение марксизма с массовым рабочим движением носило в России, как, впрочем, и все остальные явления социальной жизни, крайне противоречивый и даже

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 54-55.

² Там же. С. 376.

³ Там же. С. 23-24.

⁴ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 204. После выхода в свет книги «Что делать?» Плеханов на протяжении двух лет не возвращался к обсуждению выявившихся с Лениным разногласий. Даже на II съезде РСДРП в 1903 г. он не затрагивал эту тему; однако затем вынужден был, сознавая собственную ошибку, вернуться к вопросу о роли «профессиональных революционеров» в пролетарской партии. Это, по его мнению, было тем более необходимо, что у Ленина нашлось немало последователей, придававших этой категории «просвещенных» партийцев, безраздельно царящей в партийных комитетах, ключевую роль в социалистическом воспитании рабочего класса. «Только после съезда, - отмечал Плеханов, - наблюдение показало мне, что взгляд Ленина на рабочую массу как на «неисторический элемент истории», как на «Материю», движимую к социализму действующим извне «Духом», что этот ошибочный взгляд в значительной мере определил собою тактические и организационные понятия как самого Ленина, так и многих наших «твердых» практиков. Наконец, только после съезда понял я, как горько я ошибался, приписывая Ленину движение «вперед». На самом деле он и не думал идти в этом направлении. Как нельзя более довольный той популярностью, которую создало ему его отклонение от марксизма, сделавшее его идеи более доступными для наименее подготовленных к пониманию марксизма «практиков», он не только не отложил в сторону палки, искривленной им в полемике с «экономистами», но сел верхом на эту кривую палку и обнаружил самое недвусмысленное намерение ехать на ней - при восторженных кликах всех советников Ивановых нашей партии, - в сторону... «диктатуры». Все это коренным образом изменило в моих глазах положение дел, и я решил бороться и спорить, следуя неоспоримо верному в данном случае правилу: лучше поздно, чем никогда». (Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 139-140. - Подчеркнуто мной. - М.К.)

⁵ Ленин В.И. О реорганизации партии // ПСС. Т. 12. С. 86.

болезненный характер. С одной стороны, формирование пролетарского сознания не могло обойтись без вмешательства радикально настроенной социально-демократической интеллигенции. С другой, - уже на первом этапе партийного строительства просвещение рабочей массы сплошь и рядом сопровождалось попытками образованных доброжелателей манипулировать и даже командовать пролетариатом, используя свое руководящее («аппаратное») и численное превосходство. Достаточно сказать, что на II съезде РСДРП «из 57 делегатов лишь трое были рабочими от станка, тогда как остальные являлись профессиональными революционерами-интеллигентами со своими амбициями и претензиями на лидерство, ярко выраженными чертами разных национальных характеров, нетерпимостью к инакомыслию».¹ Процесс взаимной адаптации носителей теоретической мысли и пролетарской массы был, разумеется, исторически неизбежным, существенно усложняемым к тому же усилившимся, по выражению Ленина, «теоретическим разбродом». Ленин совершенно верно подметил данную закономерность в историческом контексте развивающегося марксизма, именуя ее «беспомощностью в развитии теоретической мысли», но, как отмечалось выше, объяснял ее происхождение обстоятельствами исключительно идеологического порядка. «Пример русских социал-демократов, - писал он, - особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает *эklekцизм* и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что *широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня*. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически»² (Курсив мой. - М.К.)

Сформулированные Лениным положения о том, «что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией», а «без революционной теории не может быть и революционного движения»³ - можно, без преувеличения, отнести к «азбучным» истинам марксизма, не теряющим свою актуальность и сегодня, если, конечно, не приравнивать революционность к деструктивной деятельности по целенаправленному захвату политической власти любыми доступными средствами. Их целиком разделяет и Плеханов. Что же касается антиленинской направленности его аргументов, то она явилась ответной реакцией на вывод о том, что «стихийное развитие рабочего движения идет именно *к подчинению его буржуазной идеологии*» и «что социал-демократическое сознание у рабочих *и не могло быть*. Оно могло, - по словам Ленина, - быть принесено *только извне*. История всех стран свидетельствует, что *исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское...*»⁴ (Подчеркнуто мной. - М.К.)

Ленин в данном случае недиалектически (т.е. метафизически) противопоставляет скачок, связанный с возникновением научного социализма как пролетарской идеологической теории, выработанной без участия пролетариев (но под непосредственным воздействием атмосферы пролетарской борьбы), ее «стихийному» усвоению и распространению в пролетарской среде. Социалистическое учение, пишет он, «выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у

революционно-социалистической интеллигенции»¹ (Курсив мой. - М.К.)

Подчеркивая относительную самостоятельность научно-теоретического знания, Ленин, так же, как в полемике и с народниками, и с «экономистами», в очередной раз перегибает палку в другую сторону. Придерживаясь логики его рассуждений, следовало бы рассматривать «развитие мысли» у российской революционной интеллигенции как спонтанный и *самодостаточный* процесс, т.е. уже идеалистически. И если сами «основатели научного социализма» многократно указывали на объективно существующую и представленную в теоретической рефлексии *зависимость* социалистической теории (как на этапе ее формирования, так и в ходе дальнейшего развития) от *реальных* потребностей рабочего движения, то почему эта закономерность духовной жизни общества не должна была распространяться на «теоретическое учение социал-демократии в России»? Плеханов иронически напоминал в этой связи: «... Мне, игравшему некоторую роль в истории возникновения группы «Освобождение труда», приходилось, когда я еще был народником и принадлежал к организации «Земли и воли», главным образом, «заниматься с рабочими»; я убежден, что именно опыт, приобретенный мною в этих «занятиях», подготовил меня к усвоению марксизма».²

Утверждая, что без участия революционной интеллигенции рабочие не в состоянии пойти дальше тред-юнионистского осознания своих классовых интересов, Ленин, по мнению Плеханова, кардинально разошелся в своих выводах не только с Каутским, но, прежде всего, с Марксом и Энгельсом. Инстинктивное влечение рабочих к социализму обусловлено всей совокупностью их жизненных условий. Роль интеллигенции же, полагал Плеханов, состоит в том, что она *ускоряет* этот процесс, придает ему теоретическую осмысленность, но одновременно и сама *учится* у пролетариата.³ Хотя, в свою очередь, рабочие, способные самостоятельно овладеть марксистской теорией, были в России еще большим исключением, чем на Западе, сам факт наличия «русских Бебелей» все же доказывает, что рабочее движение не обречено фатально на «подчинение его буржуазной идеологии». Другое дело, что последняя в ленинском понимании ассоциируется зачастую с любым отходом от марксистской «ортодоксии».

Присущее Ленину представление об ортодоксальности несло в себе потенциальную угрозу сектантства и нарушения демократических принципов в организационных вопросах внутрипартийной жизни. Плеханов был убежден, что реализация ленинского плана партийного строительства привела бы к тому, что в партии «очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов, в ней сидели бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да Центральный Журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой».⁴ Конечно, использование этих анимационных персонажей из басни И.А. Крылова «Лягушки, просящие царя», является преувеличением: при жизни Ленина монополизация идеологического руководства, как известно, не достигла крайней степени своего проявления. Однако прогнозы Плеханова были далеко не беспочвенными, поскольку он опирался на факты. В частности, после первой русской революции с руководящих постов большевистской партии были устранены А.А. Богданов, А.В. Луначарский и Л.Б. Красин, позволившие себе не соглашаться с Лениным и продемонстрировавшие, тем самым, «нелояльность» по отношению к вождю.

В статье «Что не делать», уже самим названием полемизируя с известной ленинской работой, Плеханов сформулировал, по сути, те требования, которым должен соответствовать стиль партийного руководства. В руководящем партийном центре, писал он, нужны люди, обладающие не только решительностью, смелостью и настойчивостью (эти качества, по его мнению, Ленину были свойственны в полной мере), но также повышенной осмотрительностью, гибкостью и *диалектическим складом мышления*.⁵ Все эти состав-

¹ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 178.

² Ленин В.И. Что делать? С. 23.

³ См.: Там же. С. 25, 24.

⁴ Там же. С. 30.

¹ Там же. С. 30-31.

² Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 119.

³ См.: Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ См.: Там же. С. 3-10.

вае средства» явилось для Плеханова осознанным выбором, убеждением, сформировавшимся на основе качественно иного понимания сущности социальной революции. Величие Маркса, как его понимал Плеханов, состоит не в том, что переход к социалистическому обществу он ставит в однозначную зависимость от степени подготовленности субъективных предпосылок (т.е. прежде всего идеологического фактора), а главным образом в том, что он выявляет объективную логику этого процесса, которую можно прервать (при наличии форс-мажорных обстоятельств), но нельзя отменить. Из общей с Лениным посылки в том, что Россия страдает «не столько от капитализма, сколько от недостатка его развития», он приходит к выводу, что именно «поэтому устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом. Этому можно радоваться; этим можно огорчаться. Но кто не утопист, тот обязан руководствоваться этим в своей практической деятельности». ¹ А это означает, полагал он, что принципиально допустимо взаимовыгодное соглашение между пролетариатом и буржуазией на базе «оборонческой» платформы и обоюдных уступок. Разумеется, это было бы, по его словам, своего рода сделкой, но такая сделка – не грех. ² Россия находится теперь в том переходном периоде своей экономической истории, – писал он в «Единстве» 16 июля 1917 г., – в течение которого пролетариат может не только без ущерба, но с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие наших производительных сил». И, напротив, подчеркивал он 9 августа, «...если бы наш рабочий класс захотел стеснять дальнейшее развитие капиталистического способа производства, он тем самым нанес бы жестокий вред как всей стране, так и своим собственным интересам... Лучшим средством борьбы с распространением утопических лозунгов в среде русского пролетариата явится система широких социальных реформ, выработанная путем всесторонне обдуманного соглашения между революционной демократией и торгово-промышленной буржуазией». ³

На первый взгляд, твердое убеждение Плеханова в том, что в создавшейся летом и осенью 1917 г. ситуации классовая борьба в России была бы нежелательна и даже вредна, ⁴ неопровержимо доказывало его «сползание» на позиции не менее решительно отвергаемого им самим реформизма в духе бернштейнианского ревизионизма. «Столь откровенные пассажи Плеханова, – отмечает Тютюкин, – естественно, давали богатую пищу для его идейных противников, обвинявших родоначальника русского марксизма в явном отходе от принципов классовой борьбы и позорном соглашательстве с буржуазией. Но между классическими реформистами и Плехановым было одно немаловажное различие: если первые видели в затухании классовой борьбы ведущую тенденцию в развитии современного буржуазного общества, опровергающую выводы Маркса, то Плеханов рассматривал это явление лишь в контексте определенной социально-политической конъюнктуры, когда естественное при капитализме противостояние труда и капитала было осложнено вмешательством «третьей силы» – войны и только что свершившейся общенациональной революции, которая принесла с собой известное облегчение положения пролетариата, о чем, кстати говоря, свидетельствовало и заметное сокращение масштабов забастовочного движения весной и летом 1917 г. по сравнению с кануном Февральской революции». ⁵ (Курсив мой. – М.К.)

Плеханову удалось, таким образом, диалектически совместить обе концептуальные доминанты марксизма – методологию и идеологию, отдавая предпочтение первой. С этой предельно широкой, отвергаемой Лениным, в силу «абстрактности», социально-философской точки зрения, – не обязательно даже быть социалистом, чтобы объективно

¹ Плеханов Г.В. Год на родине. Париж. 1921. Т. I. С. 214-215. «... Русская история, – говорил Плеханов в июне 1917 г., – еще не смолела той муки, из которой со временем испечен будет пшеничный пирог социализма, и... пока она такой муки не смолела, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся» (Там же. С. 218. – Курсив мой. – М.К.)

² См.: Там же. Т. II. С. 41-44.

³ Там же. С. 43, 83, 85.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 347.

«работать» на социалистическую революцию. Достаточно, по мысли Плеханова, способствовать перед лицом внешнего врага решению общенациональных задач, вытекающих из назревшего «вызова» современности – вхождения России в европейскую цивилизацию. Он «стремится к синтезу национально-патриотических и социалистических идей, пытается выступить сразу в двух ипостасях – революционера и государственного мужа, защитника интересов пролетариата и представителя широко понятых интересов общественного прогресса. При этом патриот и государственный в конечном счете берут в нем верх над социалистом и революционером в их традиционном марксистском понимании, что дает повод критикам слева обвинять его в социал-шовинизме и социал-реформизме». ¹

Как никто другой, Плеханов отчетливо понимал, что Россия нуждается не в замене одного «централизованного деспотизма» другим, а в создании гражданского общества, могущего успешно противостоять любой его форме. Эта нереализованная и к началу XXI в. первостепенная по своей важности задача продолжает оставаться ключом к «европеизации» России. Предпринятая Плехановым попытка нахождения социального компромисса не увенчалась успехом, но она не была, строго говоря, и утопической, если учитывать господствовавшие в тогдашнем общественном сознании революционные настроения, объективно способствовавшие консолидации всех прогрессивных сил. В критической для новейшей российской истории ситуации, действительно, многократно возрастала роль субъективного фактора, от действий которого уже непосредственно и в решающей степени зависел сделанный ею стратегический выбор. На волне общенационального неприятия поверженного абсолютизма вполне могли получить продолжение общедемократические, а не выдвинутые большевиками социалистические лозунги. Однако на практике раскатать «лодку» российской государственности с тем, чтобы опрокинуть ее, оказалось задачей гораздо менее сложной, чем направить ее в русло осуществляемых Западом демократических преобразований.

И здесь мы еще раз подходим к вопросу о том, в силу какого рокового стечения обстоятельств Октябрьский переворот оказался исторически неизбежным. В современной отечественной литературе даже серьезные, лишенные конъюнктурных амбиций исследователи склонны считать, что, во-первых, он был неотвратим, т.е. во всех отношениях закономерен, и, во-вторых, при всех его трагических последствиях имеет все то же историческое оправдание. «Наивно полагать, – отмечает, в частности, В.Д. Жуковский, – что у России 1917 г. была демократическая альтернатива – она существовала лишь в головах веховцев. На самом деле реальную силу представляли лишь две общественные армии, как их определял С.Н. Булгаков: черносотенство и красносотенство. И эта история имеет свойство повторяться. Даже Энгельс в этой ситуации вынужден был бы действовать, как действовал Ленин». ² (Подчеркнуто мной. – М.К.)

Подтверждение последнего, более чем спорного, тезиса, Жуковский обосновывает ссылкой на письмо Энгельса И. Вейдемейеру (1853 г.) В нем достаточно детально моделируется перспектива возможного прихода к власти партии коммунистов в Германии. ³ Жуковский усматривает в «пророчестве Энгельса о грядущем ленинизме» одну из

¹ Там же. С. 335. Раскрывая в многоотомной «Истории русской общественной мысли» соотношение классового и национального (этнического) факторов социального развития, Плеханов, подобно Каутскому, не абсолютизирует решающее значение классовой борьбы. «Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, – пишет он во введении, – определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т.е., во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений». (Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М. 1914. Т. I. С. 11). Хотя термин «дружное сотрудничество» применительно к взаимоотношениям антагонистических классов в период войны вряд ли можно считать удачным, «его мысль о том, что в некоторых ситуациях базовое этническое начало выступает на первый план по сравнению с социальными различиями, была очень продуктивной и заслуживающей самого серьезного внимания» (Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 274)

² Жуковский В.Д. Народнические корни ленинизма: «хитрость разума» или «ирония истории»? С. 65.

³ Размах революционных выступлений в Германии, прогнозирует Энгельс, создает для этого благоприятные условия. Поэтому, как он пишет, «мы сможем начать прямо с «Манифеста», реализуя все его пункты. Но «все это относится, – по его словам, – только к теории; на практике же мы, как всегда, будем вынуждены ограничиваться тем, чтобы требовать прежде всего решительных мероприятий и абсолютной беспощадности. И

иллюстраций «вездесущей «иронии истории». Однако почему-то совершенно не улавливает ироничный пафос в авторской редакции ее подлинного «творца» - самого Энгельса. Ведь, следуя определению Жукоцкого, совершенно очевидно, что импровизирующий «проективную несвоевременности «коммунистических опытов», т.е. «с серьезными последствиями несвоевременности «коммунистических опытов», т.е. «с серьезным видом» утверждал «то, что на самом деле подлежит отрицанию». Иначе говоря, Энгельс использует методику сократовской иронии как стилистического приема контраста видимого и скрытого смысла высказывания, создающего эффект интеллектуальной насмешки. Жукоцкий же интерпретирует «такой тип знания» в духе фатализма, ибо, по его словам, он «не столько направляет, сколько констатирует. Даже стилистически, - полагает он, - фраза Энгельса выдержана не в плане предупреждения от неверного шага, а в плане констатации общей логики движения событий, в которую «наша партия» невольно может оказаться вовлеченной и только поэтому она «вынуждена стать у власти». Ленин, как никто другой, - подчеркивает он, - уловил эту вынужденность «стать у власти» и невозможность свернуть ни вправо, ни влево, ни даже «притормозить» события, которые надвигались с внутренней неотвратимостью «громыхающей» логики политического урагана. И именно «под давлением» пролетарских и крестьянских масс, и именно в силу того, что были «связаны» своими собственными радикально-революционными заявлениями и планами, большевики действовали так, как действовали. В противном случае Россия ждала кровавая оргия черносотенной (читай: фашиствующей) контрреволюции или полная анархия и действительная утрата государственности».¹ (Подчеркнуто мной. - М.К.)

С приведенным выводом трудно согласиться не только потому, что он фактически не отличается от ортодоксально-доктринальной платформы советских марксистов, страдающей заведомой односторонностью, но и противоречит (в формально-логическом смысле) аргументации самого Жукоцкого. С одной стороны, «энгельсовская тональность сожаления, - как он пишет, - о крайностях такого движения и об опасности предстать перед миром «не только чудовищами, но и дураками» нашла неожиданное отражение в ленинской работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». С другой, - фиксирует принципиальное отличие между Энгельсом и Лениным: «Там, где у Энгельса срабатывал практический инстинкт и политическая интуиция, у Ленина доминировала подчеркнутая верность духу и букве революционного писания. В высшей степени обостренный практический инстинкт и политическая интуиция Ленина были направлены не на «поиск пути», а на безусловное следование начертанному на «карте» плану исторического движения - через революцию. В написанной в самый канун октябрьской революции 1917 г. большой теоретической работе «Государство и революция» Ленин и стилистически и по содержанию сверяет компас большевистского курса на вооруженное восстание с буквой и духом «выдвинутых в порыве партийной борьбы печатных заявлений» Маркса и Энгельса. Он находит полное их совпадение, тем самым получая санкцию

в этом-то и заключается беда. Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, - надо надеяться, только в физическом смысле, - наступит реакция, и прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу. В такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия и которая втянута в передовую революцию вместе с такой передовой страной, как Франция, - при первом же серьезном конфликте, как только будет угрожать действительная опасность, наступит черед для этой передовой партии действовать, а это было бы во всяком случае преждевременным. Однако все это не важно, и самое лучшее, что можно сделать, - это уже заранее подготовить в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 490-491. - Курсив мой. - М.К.)

¹ Жукоцкий В.Д. Указ. Соч. С. 65.

на «коммунистические опыты и скачки», о которых Энгельс и последовавший за ним Плеханов знали, «насколько они несвоевременны».¹ (Курсив мой. - М.К.)

Демонстрируя собственную непосредственность, Жукоцкий далее включает в контекст анализа двоякого рода обстоятельства, опровергающие его исходный тезис. Это факт «непосредственного общения с поздним Энгельсом», имевший место в жизни Плеханова и отсутствовавший у Ленина. «Непосредственное общение Г.В. Плеханова с поздним Энгельсом, - пишет он, - позволило ему проникнуться пониманием всей сложности революционной ситуации в России и выработать устойчивый иммунитет против навязываемой силой обстоятельств необходимости «проводить коммунистические опыты и делать скачки» в заведомо отсталой в буржуазном отношении стране. Отсутствие непосредственного общения с поздним Энгельсом не позволило Ленину выработать такой иммунитет. Напротив, проникнутый революционным духом публичных марксовских текстов, он выработал иммунитет безусловной стратегической непримиримости в классовой борьбе».² (Курсив мой. - М.К.) Принимая во внимание наличие у Энгельса вышеуказанного «иммунитета» в виде «практического инстинкта и политической интуиции», следовательно, никак нельзя согласиться с тем, что в специфических российских условиях он «вынужден был бы действовать, как действовал Ленин». Тем более, что спустя четыре десятилетия после написания письма И. Вейдемейеру Энгельс уже не столь иронически, но еще более определенно высказывается в пользу предпочтительности именно мирного, демократического завоевания власти пролетариатом.

Кроме того, в своем письме он указывает на деталь, ускользнувшую из поля зрения Жукоцкого: «вынужденность» коммунистической партии «стать у власти» означала бы необходимость, по словам Энгельса, «проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и мелкобуржуазным». В полном соответствии с этим сценарием революционных преобразований Ленину пришлось - таки отказаться от попытки непосредственного «введения социализма», - того, что Энгельс именует «ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами», - ограничившись рядом переходных (т.е. «общереволюционных и мелкобуржуазных») мероприятий. Что же касается «вынужденного» захвата власти большевиками, приносящего из «беспомощности и вялости всех остальных партий», то исторически некорректно было бы связывать это, как полагает Жукоцкий, с абстрактно понятой «внутренней неотвратимостью «громыхающей» логики политического урагана». В стремлении к проведению «коммунистических опытов» они прилагали все усилия для того, чтобы сорвать достижение общенационального консенсуса, лишив какого бы то ни было позитивного смысла деятельность «всех остальных партий» и, выдвигая ультрареволюционные лозунги, выстроить «общую логику движения событий» в нужном для себя направлении. Списать со счета их явное нежелание «притормозить» нараставшие в стране разруху и хаос (которым партия «нового типа» весьма эффективно противопоставила мощь своей внутренней «железной» организации), значило бы продолжать готовить, по словам Энгельса, ее «историческое оправдание», но только, разумеется, не «заранее», как он пишет, а традиционно «задним числом».

Заранее же и, конечно, отнюдь не с целью «исторического оправдания», а, напротив, с нескрываемым осуждением, оценивает политический экстремизм ортодоксов Плеханов, заимствовавший у Энгельса не только «иммунитет» к преждевременным «скачкам», но и изрядную долю иронии. Его «практический инстинкт и политическая интуиция» позволяют безошибочно отбросить всякого рода демагогические ссылки на «давление» пролетарских и особенно - крестьянских - масс, якобы подвинувших большевиков к завоеванию политической власти в деморализованной военными неудачами стране. То, что крестьяне не принимали большевистского максимализма, в полной мере выявилось в ходе работы Учредительного собрания. Но уже в опубликованном 28

¹ Там же.

² Там же.

октября 1917 г. в «Единстве» «Открытом письме к петроградским рабочим» Плеханов убедительно доказывает, что им нужна земля, а не замена капитализма социализмом. Более того, после перехода помещичьей земли в руки крестьян их хозяйственная деятельность объективно будет направлена, как он считал, не в сторону социализма, а в сторону капитализма. «Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию» [примечательно то, что Плеханов берет этот термин в кавычки, выявляя его идеологическую ангажированность и теоретическую неадекватность — М.К.], то сама идеология нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение». Надеждам на мировую пролетарскую революцию, отмечал далее Плеханов, в ближайшее время вряд ли суждено сбыться. А если это так, то большевистскую Россию вероятнее всего ожидает гражданская война, которая отбросит рабочий класс далеко назад от позиций, завоеванных в Февральской революции. Шансы на поражение пролетариата возрастают еще и потому, что Россия не вышла из мировой войны.

Вот почему, откровенно признавал Плеханов, события 25 октября не радуют, а огорчают его и это несмотря на то, что в течении многих десятилетий он всеми силами боролся за торжество интересов именно российского пролетариата. В письме Плеханова мы находим весьма многозначительное и чрезвычайно ценное указание по поводу того, что *не всякий приход к власти рабочего класса заслуживает одобрения и поддержки*. Собственно говоря, в этом принципиальном расхождении с Лениным и проявился в наибольшей степени и предельно отчетливо *неортодоксальный* марксизм Плеханова. Все дело в том, *подготовлен ли российский пролетариат к тому, чтобы немедленно провозгласить и осуществить свою «диктатуру»?* «Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, — писал Плеханов, — ответит на этот вопрос решительным отрицанием. Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России». (Курсив мой. — М.К.)

Не менее значимо и то, что под диктатурой пролетариата Плеханов фактически продолжает иметь в виду его *гегемонию*, т.е. *руководящую роль в союзе* со всеми остальными политическими партиями, консолидирующими прогрессивную часть общества. Здесь же имплицитно представлена и еще одна, нашедшая подтверждение в социально-политической практике мысль. Если по замыслу Ленина партия *фактически* должна была выполнять в России функции «регента», поскольку пролетариат не сложился до конца в самостоятельный класс, то, как историку-исследователю, Плеханову были хорошо известны негативные последствия такого рода прецедентов. Безраздельное обладание властью, ускользающей при передаче ее лицом, «исполняющим обязанности» монарха дееспособному легитимному правителю, — слишком привлекательная «приманка», чтобы не пытаться ее с помощью всевозможных ухищрений удерживать. История показала, что даже тогда, когда в ходе индустриализации рабочий класс СССР превратился в *основную производительную силу* общества, это ничуть не прибавило ему реальных властных полномочий, сконцентрированных в руках партийно-государственной номенклатуры. Благодаря «устойчивому иммунитету против навязываемых сил обстоятельств» Плеханов вполне обоснованно констатирует «печальные последствия» Октябрьского переворота. «Они будут еще несравненно более печальными, — провидчески пишет он, — если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти *одним классом или — еще того хуже — одной партией*. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление. Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья,

какое только может с ним случиться». (Курсив мой. — М.К.)

И все же, если начало этому, по выражению Плеханова, «*другому направлению*» политической практики и одновременно «*величайшему несчастью*» в исторической судьбе марксистской идеологической парадигмы было положено, почему же оно «случилось»? Плеханов подводит к ответу на поставленный вопрос, но на уровне философской рефлексии не углубляется до формулировки концепта **основного противоречия марксизма**. В этой части анализ Плеханова уступает обобщающим диалектическим выводам Бердяева, который, как было отмечено выше, поразительно точно выразил его суть в соотношении «объективно-научного» и «субъективно-классового» измерений марксизма, а также проследил ее преломление в феномене «русского максимализма». Вместе с тем, бесспорная заслуга Плеханова заключается не только в том, что он был «отцом» русского марксизма, но и в том, что он остался *единственным* в отечественной истории «знаковым» марксистом, поставившим на повестку дня задачу *реструктуризации* российской ментальности.

Выбранная Плехановым тактика разумного, по *европейским* меркам «скроенного» компромисса как единственной реальной политической альтернативы левому и правому экстремизму потерпела поражение вовсе не потому, что не отвечала коренным общенациональным интересам, как об этом принято было, «сгущая краски», говорить в советский период. С другой стороны, и Октябрьский выбор, подменив демократические лозунги революции *псевдосоциалистическими* (социалистическими по форме и державно — модернизационными по содержанию), оказался далеко не случайным зигзагом в российской истории. Однако корни такого рода «закономерности перехода к социализму» хотя и ведут к марксизму, но предварительно «прорастают» сквозь толщу социально-психологического склада — «коллективного бессознательного». Утверждать, как это иногда чересчур прямолинейно делал Плеханов, что «марксизм тут совершенен ни при чем», было бы, конечно, некоторым упрощением. В то же время секрет успеха большевизма действительно лежал не в сугубо научной, плоскости, но в *органическом синтезе* «русского мессианизма с пролетарским мессианизмом». Эта бердяевская формула, указывая на притягательность «идеологически скрепляющих символов», и раскрывает «закономерность» утверждения столь односторонне понятого марксизма на российской почве в ее «чистом» виде.

Так или иначе на гипертрофированную значимость идеологической составляющей марксизма, в значительной мере *созвучной* настроениям широких масс трудящихся, вынуждены обращать внимание все исследователи. «В силу *многих* обстоятельств, — пишет Тютюкин, — *наиболее активная* в социальном и политическом плане *часть народа в решающий момент* поддержала большевиков или, по крайней мере, *не противодействовала планам* Ленина и Троцкого, выдвинувших *очень привлекательные* для стоявших на грани полного отчаяния миллионов масс рабочих, солдат и крестьян лозунги типа: «Долой войну!», «Греть награбленное!» и т.д. и уверявших, что мировая революция спишет все — издержки сепаратного мира с Германией, отсталость России, ее нищету и бескультурье. В этих условиях через Плеханова, который *не мог предложить народу ничего равноценного большевистскому максимализму*, просто перешагнули, оставив «отца» русского марксизма в гордом и трагическом одиночестве, как перешагнули, впрочем, и через сам *ортодоксальный* (?) марксизм, прикрывшись рассуждениями о *новой эпохе, вреде догматизма и необходимости «творческого» применения* заветов Маркса и Энгельса. В итоге больному, *изолированному от большой политики и лишенному массовой поддержки* Плеханову оставалось лишь устраниваться, чтобы не насильствовать свою совесть и разум или не разделить печальную участь других «врагов революции», что он и сделал.»¹ (Курсив мой. — М.К.)

Из приведенного фрагмента следует, что важнейшей причиной прижизненного поражения Плеханова явилось отсутствие «массовой поддержки», вследствие чего он ока-

¹ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 375.

на уровне «коллективного бессознательного» повышенная чувствительность к социальному неблагополучию парадоксально уживается у носителей российского суперэтноса с планкой «минимизации» качества жизни и долготерпением. В экстремальной ситуации предрасположенность к сопереживанию и состраданию способна оборачиваться чудовищной жестокостью. Весь набор уникальных ментальных параметров легко приобретает тогда идеологически окрашенные формы и в «умелых» руках служит «естественным» орудием достижения целерациональной установки.

Прекрасно отдавая себе отчет в пагубности подобного идеологического «маневрирования» с опорой на сферу социальной психологии, Плеханов, разумеется, «не мог предложить народу ничего равноценного большевистскому [в основе своей – русскому. – М.К.] максимализму», а, следовательно, не мог рассчитывать и на незамедлительное и полное взаимопонимание со стороны трудящихся масс. Для того, чтобы они смогли осознать *собственные* интересы, от партийного авангарда требовалось, как справедливо полагал Плеханов, не разжигание страстей и «подыгрывание» инстинктам классовой ненависти, а упорная и кропотливая работа по формированию политической культуры, – работа, в значительной степени уже проделанная «соглашательски» настроенной западной социал-демократией.¹ Самым весомым итогом ее явилась бы в случае успеха вошедшая, что называется, в плоть и кровь, способность не теряя уверенности в конечной цели, последовательно двигаться к ней, избегая кровопролитных социальных потрясений и руководствуясь той разновидностью компромиссов, которая ассоциируется с политической *мудростью*, и которую, кстати говоря, вполне допускал и Ленин. Весь вопрос, однако, в том, что именно принимать за «коренные» интересы «самого передового класса» и гарантии исторической необратимости социальных достижений.

Тот факт, что взвешенная политическая позиция Плеханова натолкнулась в общественном сознании на стену непонимания и была с помощью большевиков однозначно отвергнута, свидетельствует лишь о том, что озвученная им проблема «европеизации» России так и осталась диалектически не осмысленной, не решенной даже в наступившем новом тысячелетии. В условиях нынешнего деструктивного по своей социально-экономической ориентации либерального псевдодемократического режима она сохраняет всю свою актуальность. Более того, поскольку «лимит» исторического времени давно исчерпан, страна буквально на глазах погружается в пучину хаоса и тотального разрушения цивилизационной идентичности. Неприятие способной консолидировать прогрессивную часть общества национальной идеи выступает оборотной стороной заурядной стратегии копирования исторически отжившей и переживающей кризис западной индивидуалистической системы ценностей.

В основе праворадикальной идеологии, в отличие от большевистской леворадикальной, – уже не *консервация* «коллективистической» сущности российского менталитета (в форме примитивного, «природного», по терминологии Бердяева, коллективизма), а его полный, в буквальном смысле слова «до основания», *демонтаж*. Но за вычетом очевидных различий классовых и групповых интересов глубинная причина общенациональной трагедии в обоих сценариях одна и та же: игнорирование *диалектически противоречивой* сущности реализуемого ныне «обобществляющимся» человечеством перехода к «действительной коллективности». В свете данной, сформулированной Марксом методологической установки социально-преобразующей практики и следует, на мой взгляд, оценивать как теоретический, так и политический ресурс «отца» русско-го марксизма. Между тем, согласно принятой схеме, его биограф исходит из того, что

¹ Выступая в мае 1917 г. перед рабочими Невского судостроительного завода, Плеханов в очередной раз подчеркнул, что преждевременный переход власти в компетенцию Советов лишь повредил бы победе социализма в России. Для достижения успеха необходима, по его убеждению, большая сознательность и организованность самих рабочих, в то время как в настоящем в их головах еще слишком много темноты. Я не пророк, добавил тогда Плеханов, и не знаю, когда суждено осуществиться социализму, но я твердо уверен в том, что рабочие прежде всего должны организоваться, используя ту свободу, которую принесла им Февральская революция. (См.: Единство. 1917. 17 мая)

если мыслитель не «вписывается» в структуру «национального духа», в этом противостоянии он может выбрать только между вынужденным приспособлением и неизбежным поражением. «Попытки Плеханова строить стратегию и тактику РСДРП по западным марксистским образцам, – пишет Тютюкин, – не соответствовали ни степени зрелости российского капитализма, ни уровню политической культуры тогдашних россиян, ни их менталитету, для которого плехановский рационализм, системность и логика оставались в конечном счете чуждыми и непонятными».¹ (Курсив мой. – М.К.)

Но ведь Плеханов как раз по этой причине справедливо полагал, что рабочий класс еще не готов взять власть в свои руки. «Передоверие» же тяжкого груза властных полномочий партийному «штабу», по его убеждению, только провоцирует неоправданное насилие и дискредитирует социалистическую идею. Проводимая политика является в этом случае тем более преступной, что реализуется она «под знаменем марксизма». Несмотря на такие черты его собственного характера, «как вспыльчивость, раздражительность и даже капризность, болезненное самолюбие и стремление постоянно получать подтверждения своего превосходства над окружающими»² Г.В. Плеханов в полной мере соответствует эталону «интеллектуальной честности», поразительной целеустремленности, несгибаемой воли и высочайшей нравственности, остается примером бескорыстного и всепоглощающего служения Отечеству. Допущенные им теоретические ошибки меркнут на фоне безукоризненного следования лигике социально-философской концепции Маркса, отрицающей правомерность *возводимого в абсолют* революционного насилия над историей.

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ КРИЗИСА «САМОИДЕНТИФИКАЦИИ» МАРКСИЗМА (вместо послесловия)

Глубочайший, сохраняющийся до сегодняшнего дня идейно-теоретический раскол между марксистами ортодоксального и неортодоксального направлений предстает с высоты современного осмысления социально-преобразующей практики *закономерным*, исторически неизбежным процессом. Но «корни» его следует искать не в идеологических разногласиях самих по себе, как упрощенно полагал Ленин, усматривая в отходе иначе мыслящих марксистов от ортодоксии доказательство утраты ими классово-пролетарской, научно-теоретической и нравственной идентичности, т.е. измену революционным убеждениям. Будучи синтезом идеологии, науки и философии, марксизм базируется на «*principia*», интегрирующих эти принципиально отличные формы общественного сознания во *внутренне противоречивую систему теоретического знания*. Поэтому демаркационная линия, разводящая марксистов по разные стороны баррикады, «именно вследствие, – по выражению Ленина, – общности этих «*principia*», определяется не столько их формальным обозначением (в том числе идеи «диктатуры пролетариата»), сколько содержательным наполнением и функциональной нагрузкой, исходя из принятой точки отсчета, т.е. в соответствии с принципом *субординации*. В противном случае продолжающаяся полемика была бы *принципиально невозможной*, ибо, действительно, не подлежит сомнению, как отмечает Ленин, что «*de principiis non est disputandum*» (о принципах не спорят). «*Contra principia negantem disputari non potest*» (против отрицающего основные положения спорить невозможно). Бердяев совершенно справедливо указывает в этой связи на решающий для понимания противоречивой *сущности* марксизма критерий – в зависимости от того, какую «сторону» в нем считать *приоритетной* – «объективно-научную» или «субъективно-классовую». «В философии социализма, – пишет он, – есть две стихии: в одной из них *классовый момент побеждает момент объективный* и на продолжении всей истории одинаково видится правда в восстании неимущих и зло в самом

¹ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С.373.

² Там же. С. 367.